Бойся меня

Автор:
Алайна Салах

Бойся меня

Алайна Салах

Скандал

«Пришли мне свое фото. Любую часть тела, какую захочешь. Не обязательно интимную». Я чувствую странное покалывание в животе, и то, как учащается пульс. Нельзя не признать, что виртуальный собеседник меня будоражит.

Не слишком долго раздумывая, я вытаскиваю из-под одеяла ступни и направляю на них камеру смартфона.

«Я немного загляделся. Получилось интимнее, чем я предполагал. Тридцать седьмой размер, правильно? Я представлял тридцать восьмой».

В этот момент я вдруг отчетливо представляю, с какой интонацией мой собеседник мог бы это произнести: с низкой, чарующе-хриплой.

«Ужин сегодня в семь вечера»

«Как я тебя узнаю?»

«Никак. Тебя узнаю я»

Книга содержит нецензурную брань

Алайна Салах

Бойся меня

Ограничение 18+, брань

Теги: интрига, экстраординарный герой, сталкерство

Жанр: эротический триллер, современный любовный роман

* * *

1

– Мне нужен ещё час, чтобы добить отчёт, а потом я выезжаю. Если доберёшься раньше – стол на моё имя. Я просила на террасе.

Прижав телефон плечом, я залезаю в сумку, чтобы достать бумаги для секретаря генерального, застывшей за стойкой в ожидании, и замираю сама, потому что из динамика доносится виноватое:

– Мирра, малыш, я похоже никак не успеваю сегодня. Немцы всего час назад из офиса уехали, а мне надо ещё за компом посидеть, чтобы письмо в совет накидать. Ты у себя будешь? Я как освобожусь, могу…

Я сбрасываю вызов, потому что всё, что собирается сказать мне Никита, я и так знаю. Его свободного времени хватает ровно на то, чтобы постучаться в дверь моей квартиры, когда я переоденусь в пижаму, перекинуться парой дежурных фраз и после заняться сексом.

С каменным лицом я опускаю ламинированную папку перед Олесей и стремительно разворачиваюсь на каблуках. Хочется поскорее покинуть

оживлённую приёмную, чтобы как можно меньше людей стали свидетелями, какой жалкой является личная жизнь той, кто так старательно убеждает всех в обратном.

Я прекрасно знаю, что мне давно пора послать к чёрту Никиту, немцев и его регулярную занятость. Эти «отношения» лишь первые два месяца могли называться отношениями, а в остальное время – это мои нескончаемые попытки склеить нас воедино. Стол на моё имя тоже к ним относится.

Захлопнув за собой дверь офисного туалета, я опускаю сумку в лужицу воды на пьедестале и натянуто улыбаюсь своему отражению. Что с тобой не так, Мирра? Стол на твоё имя в четвёртый раз за месяц. Самой не смешно? Да, Никита хорош собой, да, успешный, да, с ним тебе дважды в неделю гарантирован секс. Но разве этого достаточно? Ради бога, тебе ещё и тридцати нет! Зачем всё это?

Порывшись в косметичке в поисках помады, я начинаю старательно обводить ею губы. Ответ на свой вопрос я знаю. Присутствие Никиты в моей жизни создаёт иллюзию, что я не одна. Есть с кем обмениваться сообщениями посреди рабочего дня, есть кого упомянуть на встрече с подругами, которые уже успели по второму ребёнку родить. Самое ужасное – избавься я от Никиты, его место будет ещё долго пустовать. Потому что я понятия не имею, как и где современные женщины знакомятся с мужчинами. Нет, серьёзно. Не для разового секса после клуба с утренней головной болью и неловкими переглядываниями, а для нормальных отношений, в которых вы оба друг другу приятны, у вас имеются темы для общения, и при этом не нужно ронять «планку избранника», убеждая себя: «ну и пусть он мелочный / от него пахнет потом / ему бы не мешало заняться зубами / он через слово ругается матом / у него отсутствует чувство юмора / он чересчур манерный / он говорит только о себе». Где найти нормального мужчину женщине, работающей шесть дней из семи, с не слишком богатой светской жизнью? По барам и клубам я уже лет пять как не ходок.

Я разворачиваюсь, собираясь выйти, но мешкаю из-за незнакомого звука, донёсшегося со дна моей сумки. Не меньше пяти секунд разглядываю экран, прежде чем понять, что стало его источником, а когда понимаю – невольно морщусь. Если бы можно было почувствовать себя более жалкой – так бы наверняка и было. Пришло уведомление из приложения о знакомствах.

Сайты знакомств в моём понимании – прибежище для тех, кто отчаялся найти себе пару либо заинтересован в сексе без обязательств. «Не мой вариант», –

твёрдо заявила я Вике в среду, а вчера, поддавшись порыву и двум бокалам вина, выпитым в одиночестве, установила приложение и зарегистрировалась в нём. «Это ни к чему меня не обязывает», – так я себе сказала. И вот, когда я уже напрочь забыла о своей слабовольной выходке, кто-то решил мне о ней напомнить похабным подмигиванием.

Алекс, тридцать шесть лет, находится в трёх километрах от вас. Тридцать шесть лет – и Алекс? Не Александр, не Алексей?

С экрана на меня смотрит накачанный блондин в солнечных очках и салатно-кислотных плавках. Грубая, но эффективная реклама самого себя. Наверняка фитнес-тренер.

«Привет, секси! Твоя загадочность меня заинтриговала. Пообщаемся?»

Вот так просто?

Я толкаю дверь туалета и на ходу печатаю:

«Я не профи в виртуальном общении, но давай попробуем».

Понятия не имею, для чего я это делаю. Наверное, оправдываю три минуты своего времени, потраченные на регистрацию, и заодно пытаюсь отомстить Никите.

«Расскажи о себе. Твоё любимое блюдо, фильм… (подмигивающий смайлик) поза в сексе, объём груди».

Я морщусь во второй раз за последнюю минуту. Ну на что я, собственно, рассчитывала? Ни на что, хотя и не предполагала, что всё происходит настолько топорно и грубо.

«Лёша или Саша, попытай счастья с кем-нибудь ещё. Виртуальное общение быстро меня утомило».

Заношу палец, чтобы отправить своё глазированное вежливостью «отвали», но в этот момент телефон выпадает из рук, потому что я ударяюсь плечом обо что-то

твёрдое, источающее изысканный аромат мужского парфюма.

Запах не лёгкий и не тяжёлый, терпко-пряный, разливающий будоражащее тепло по телу. Явно дорогой. Господи, надеюсь, я не угробила телефон. Там столько важной информации хранится, потеря времени на её восстановление, существенно осложнит мне жизнь.

Я опускаюсь на корточки, но тот, с кем я столкнулась, меня опережает. Взгляд машинально упирается в чёрные носы дорогих туфель и идеальные брючные стрелки.

– Кажется, с ним всё в порядке, – разносится над моим лбом. – Я не успел увернуться. Ты слишком быстро шла.

«Приятный голос, – машинально отмечаю про себя. – Выраженно-мужской. Правда, фамильярное «ты» здесь лишнее».

– Спасибо, – бормочу я, выдёргивая из длинных пальцев свой смартфон, на экране которого, к моему стыду, по-прежнему развёрнуто окно приложения.

– Бывает. Будь осторожнее.

Я быстро гашу экран и, убедившись, что он не треснул, заталкиваю телефон в сумку. Вернусь домой и снесу это приложение для извращенцев к чёртовой матери. А сейчас надо срочно попасть в свой кабинет и доделать отчёт, пока Андреев крик не поднял.

2

Домой я возвращаюсь после восьми вечера. В уютной сталинке на Садовом, арендованной у подруги по смешной цене, я живу уже пару лет. Откладываю деньги на покупку собственной квартиры, но из-за амбиций приобрести недвижимость непременно в центре (с учётом её высокой стоимости) выбирать мебель и занавески мне в ближайшее время не предстоит.

В холодильнике меня ждут салат и суп в запечатанных контейнерах. Бульон ставлю в микроволновку. Когда-то мне нравилось готовить, но со временем я это дело разлюбила. Перемыть кучу посуды ради себя одной? Проще зайти в супермаркет и купить готовое.

Начинаю распаковывать салат, но отвлекаюсь на звук входящего сообщения:

«Так я заеду? Через два часа освобожусь».

Никита.

Я засовываю в рот ломтик сельдерея и быстро печатаю:

«Не сегодня. Ложусь спать».

Ответа не дожидаюсь и сразу гашу экран, потому что текст следующего входящего знаю наизусть: «Тогда спокойной ночи, малыш. Созвонимся завтра». Интересно, Никита хотя бы немного расстроен отказом?

Микроволновая печь сигнализирует о разогретом ужине и ровно в ту же секунду вновь оживает телефон. Но не привычным писком мессенджера, а коротким звуком, услышанным мной сегодня в офисном туалете.

Дурацкое приложение вновь даёт о себе знать. Неужели кислотные плавки решили попытать счастья?

«Красивое фото, но для желающих познакомиться поближе передаёт мало сути».

Ну и кто тут у нас? Надвинутая на глаза бейсболка и лицо, скрытое тенью. Савва, двадцать шесть лет, находится в восьми километрах от вас.

«Твой аватар тоже не слишком говорящий»

Отложив телефон, я иду доставать суп из микроволновки. Фото для поиска партнёра и впрямь не слишком эффективное. Я не смогла заставить себя загрузить снимок целиком, а потому оставила в кадре лишь губы, шею и

ключицы.

«Зато он рождает простор для фантазии, как и твой снимок».

Не донеся до рта ложку, я разглядываю это сообщение. По крайней мере красноречием Савва не обделён, в отличие от кислотных плавок.

«Ты поэтому мне написал? Чтобы иметь возможность пофантазировать?»

«В твоём случае никакой фантазии. Я могу легко описать твою внешность».

Ложка супа, наконец, оказывается у меня во рту, и я мысленно хихикаю. А этот любитель виртуальных знакомств, однако, и впрямь изобретателен.

«Попробуй. Это может быть даже интересно».

«Одно условие»

«???»

«Если я угадываю – ты соглашаешься на свидание со мной. Никаких поездок за город, не волнуйся. Простой ужин в ресторане».

Вот так неожиданно еда перестаёт быть главным развлечением вечера. Этот парень сумел меня заинтриговать. Вернее, его сверхуверенность и настойчивость. Что его так заинтересовало в моём снимке? Покрытые блеском губы?

«Тогда тебе придётся назвать больше чем цвет глаз. Нужны детали».

«Хорошо. Так ты согласна?»

Разве не этого я хотела? Развлечься?

«Согласна. Начинай»

«Ты красивая. Твоя красота вызывающе-броская и порой играет против тебя. Она отпугивает слабаков. Глаза карие, разрез экзотический, кошачий. Прямой нос, высокие скулы. Кажется, именно такие сейчас считаются модными. Из-за них тебя часто подозревают в злоупотреблении косметологией, хотя они достались тебе от природы».

От участившегося сердечного ритма мне становится жарко. Я даже со стула встаю – настолько поражена. Кто он, чёрт возьми, такой и откуда всё это знает? Я зарегистрировалась в приложении чуть больше суток назад. Тут даже имя не моё.

Пожевав пересохшие губы, я печатаю:

«Что-нибудь ещё?»

«Рост примерно метр семьдесят. Размер груди третий».

Грохоча босыми пятками, я вылетаю из кухни в гостиную и от волнения начинаю наматывать круги вокруг дивана. Кто? Кто это может быть? Вика кому-то обо мне рассказала? Исключено. Она даже не знает о моей регистрации в приложении. Но кто? Я никому не говорила.

Остановившись, я впиваюсь глазами в экран:

«Мы знакомы?»

«Нет. Кстати, меня зовут Савва. А тебя? Только не говори, что это твоё настоящее имя. На Наташу ты не похожа».

«Мирра», – печатаю я, прежде чем успеваю подумать.

«Приятно познакомиться, Мирра. Судя по твоему последнему вопросу, ты задолжала мне ужин. Уверен, ты умеешь держать слово. К сожалению, сейчас мне нужно идти. Я напишу тебе завтра»

Через секунду приложение сообщает мне, что пользователь Савва ушёл в офлайн.

3

– Мирр, а ты не думаешь, что у Никиты кто-то есть? Девка другая, я имею в виду. Ну просто странно как-то… Ты сама по себе, он сам по себе. Полгода вы вместе, и никакого прогресса в отношениях. Ни совместного путешествия, ни сожительства, ни знакомства с семьёй… Вообще ни хрена.

– Подожди, Вик… – я накрываю динамик рукой и быстро перечисляю ожидающему официанту свой заказ: – Мне салат с уткой, тыквенный суп и американо.

– Ты на ланч, что ли, вышла?

– Ага. Другая женщина? Хм-м… я так не думаю. Чтобы иметь двух любовниц, нужно инвестировать в них время, а Никита слишком помешан на своей работе, чтобы так щедро им раскидываться.

– Он до директорского кресла, что ли, хочет дорасти? – фыркает динамик. – Так пусть не мечтает: Пронин всё равно кого-то из своих посадит. Я гнилую кухню их компании ещё со времён работы в «Эвересте» знаю. Пусть лучше расслабит булки и свозит тебя отдохнуть.

Я смотрю в окно на разноцветный поток людей, хлынувший из стеклянных дверей метрополитена, и пробую на вкус Викино предположение. Вдруг у Никиты действительно есть другая женщина. Что я чувствую при этом? Ревность, обиду на него, боль от предательства? Представляю ли, как они держатся за руки и занимаются сексом?

Ничего подобного нет. Есть раздражение и непонимание: для чего столько времени клепать мне мозги? Ну и ещё брезгливость от того, что Никита приносил в мою квартиру запах другой женщины. Как-то так. По поводу венерических заболеваний не переживаю: сексом мы занимались исключительно с презервативом.

Может быть, дело всё же во мне? Я чёрствая, и Никита это чувствует. Поэтому его ко мне не слишком тянет: я много работаю, не заморачиваюсь на готовке, ужинать предпочитаю в ресторанах. Помню, бабушка говорила, что мужчинам необходим домашний уют и миссия каждой женщины – этим уютом их обеспечить, в противном случае высоки шансы коротать старость одной.

– Эй, ты здесь? – снова подаёт голос Вика. – В выходные давай куда-нибудь выберемся? Можно в «Артель». Выпьем по бокальчику, ты глазами по сторонам постреляешь.

– И ты тоже, – с усмешкой вставляю я, макая ложку в опустившуюся передо мной тарелку с супом.

– Куда мне? – ворчливо откликается подруга. – Со своими бы двумя справиться.

Вика замужем шесть лет, половину из которых у неё есть любовник. Раньше я часто задавалась вопросом, что послужило причиной такой полигамии, потому как, по её же собственным словам, в отношениях с мужем Вику всё устраивало, но со временем перестала. Её личная жизнь меня не касается.

– В общем, будем на связи, и приятного аппетита, – резюмирует подруга и перед тем, как я успеваю сбросить вызов, выдаёт финальное наставление: – И всё-таки подумай над «Тиндером».

Нет, это точно не она «сдала» меня кому-то из своих знакомых во имя втягивания в мир виртуального разврата.

Повинуясь мимолетному порыву, я разблокирую погасший экран и открываю то самое приложение. Перечитываю вчерашнюю переписку с двадцатишестилетним Саввой и снова ёжусь от его прозорливости. Может быть, парень обладает какими-то экстрасенсорными способностями? Это бы многое объяснило. С таким даром наверняка очень удобно заводить знакомства с противоположным полом. Ведь даже скептик во мне заинтересовался.

Савва был в сети вчера, в двадцать один пятьдесят один. Его последнее сообщение отправлено в это же время. Мне.

Я вдавливаю большой палец в красную иконку и тащу её к корзине, появившейся внизу экрана. Ни к чему засорять телефон и собственные мозги интернет-мусором. В противном случае в чём смысл всех этих медитаций и детоксов?

Но рука замирает, потому что в этот момент телефон издаёт короткое бульканье, сигнализирующее о новом сообщении. Из приложения, которое я в данный момент собираюсь удалить.

«Доброго дня, Мирра. Тебе можно пожелать приятного аппетита или для обеда в твоём случае ещё рано?»

Мне не нравится, что при взгляде на эти строки, сердце начинает барабанить сильнее. Я уже давно не школьница, чтобы получать удовольствие от переписки. Или дело в том, что этот Савва снова угадал? Я ведь и впрямь обедаю.

Значок приложения, выбравшись из-под моего пальца, радостно пружинит на своё место.

«Как раз заканчиваю с бизнес-ланчем».

«Значит, всё же приятного аппетита. Как спала?»

Я делаю глоток кофе и, вернув чашку на стол, раздражённо тру виски. Мирра, к чему весь этот детский сад? «Как спала?» Что дальше? Рацион ему свой перечислишь? Ты ведь понятия не имеешь, кто скрывается по ту сторону. За этой аватаркой может оказаться не двадцатишестилетний парень, а озабоченный старик, прыщавый подросток или мающаяся от скуки лесбиянка.

«Мне нужно идти. Хорошего тебе дня».

Я вкладываю в счёт тысячную купюру и заталкиваю телефон в сумку. Лучше на договоре с «Альянсом» сосредоточиться, а не вот это вот всё.

Бульк.

Резко задёрнув молнию на сумке, я поднимаюсь. Чёрта с два. Я не позволю себя в это втянуть.

С работы мне удаётся уйти вовремя: у генерального возникли срочные семейные обстоятельства и некому было мариновать меня в своём кабинете. Пару дней назад я бы наверняка набрала Никите с предложением сходить в ресторан или в кино, но вместо этого захожу в «Азбуку» и закидываю в корзину два вида пасты, сыр, вяленые помидоры и ещё пару приглянувшихся мне банок с итальянскими надписями. Я собираюсь смотреть фильм и готовить.

Когда тальятелле доходят до идеального состояния «аль-денте», в дверь неожиданно звонят. На пороге в костюме, безукоризненном даже после девятичасового рабочего дня, стоит Никита. В его руке – увесистый букет.

Затянувшееся переглядывание и вопрос «Что ты здесь делаешь?» грозят превращением аль-денте в слипшийся комок теста, поэтому я молча забираю цветы и, впустив Никиту в прихожую, иду на кухню.

– Соскучился по тебе, малыш, – раздаётся мне в ухо меньше чем через минуту, а тело, прижавшееся сзади, окунает меня в облако туалетной воды, которую я выбирала.

Я уворачиваюсь от губ Никиты, настойчиво прокладывающих дорожку поцелуев по моей шее, и подхватываю кастрюлю с плиты.

– Ты есть хочешь? Через пять минут будет карбонара.

Никита покорно отступает, но не перестаёт при этом улыбаться.

– Я не голоден. Предпочту вино и тебя.

Почему бы мне не подойти к вопросу отношений практично? Никита приехал сам, и он меня хочет. Неземной любви я, как выяснилось, к нему не испытываю. Так почему бы не перестать рыть землю и не начать довольствоваться тем, что есть?

– Вино в шкафу справа, бокалы в сушке. Отнесёшь их в гостиную? Я собиралась посмотреть фильм.

Который, как мы оба знаем, мне досмотреть не удастся, потому что Никита непременно поимеет меня на диване.

Бульк.

Под грохот сердца я отсчитываю удаляющиеся шаги Никиты и гипнотизирую глазами телефон, лежащий на столешнице. Да-а-а, Мирра. Мужа и любовника, как Вика, ты бы точно не потянула. Даже в такой безобидной ситуации тебя буквально парализовало.

«Ты не ответила на предыдущее сообщение. Напоминаю, что ты задолжала мне ужин. Чем занимаешься?»

Мои пальцы порхают по экрану как у заправской стенографистки:

«Занята. Не могу разговаривать».

Бульк.

«Ты с мужчиной?»

Я напрягаю слух, ловя малейшие шумы, доносящиеся из гостиной. Судя по всему, Никита переключает телевизионные каналы.

«Это не твоё дело, но да, я с мужчиной»

«Планируете заняться сексом?»

Я с секунду разглядываю вопиюще наглые буквы, набирать которые этот Савва, будь он хоть трижды экстрасенсом, не имеет никакого права, и с раздражением печатаю:

«Повторюсь: это не твоё дело».

Ответ приходит через секунду:

«Наш секс будет несравнимо лучше. Ты обязательно в этом убедишься».

4

Никита уезжает от меня рано утром, сославшись на очередную деловую встречу. Обычно моя суббота начинается с похода в спортзал или часа домашней йоги, но именно сегодня мне хочется морально разлагаться: например, пить кофе в постели и листать ленту инстаграм при бесцельно включённом телевизоре. Неделя выдалась суматошной, и я, похоже, устала сильнее, чем подозревала. Ну или так проявляется скрытая депрессия.

Бульк.

«Доброе утро. Тебе удалось выспаться?»

Снова этот неугомонный парень. Я даже злиться на себя начинаю, что до сих пор не положила конец нашей странной переписке. Вчера Савва запросто вывалил малознакомой девушке обещание феерично секса – так чем, спрашивается, он лучше озабоченных кислотных плавок? Разве это не повод помахать перед его виртуальным лицом средним пальцем и мысленно окрестить обычным интернет-извращенцем?

На деле должного отторжения к моему собеседнику во мне нет. Возможно, по причине его явной интеллигентности, удивительным образом сочетающейся с очаровательной наглостью. Он ведёт себя так, будто мы действительно давно знакомы и будто отлично осознаёт, на что имеет право. А ещё, возможно, мне самую малость льстят его вопросы. Они создают очередную иллюзию, что кому-то действительно не всё равно, чем я занималась в течение дня и как спала. Тот же Никита умчался на работу, ничего не спросив.

«Вполне. Хочу спросить: твои вопросы – это какой-то классический сценарий интернет-общения, или тебе правда интересно?»

«Ты только что поведала мне о существовании классического сценария интернет-общения. Да, Мирра. Мне правда интересно. P.S. Для чего тебе тот

мужчина? Скука? Он тебя явно не стоит».

Я снова чувствую растущее раздражение. Кем этот парень себя вообразил? Психотерапевтом-прорицателем? А я в его представлении, очевидно, потерявшаяся дурочка, которую нужно убедить в собственной несостоятельности, чтобы было проще залезть ей в трусы.

«Твоё всевидящее око сломалось, Савва. Продолжи развлекать других пользовательниц этого приложения определением цвета их глаз. Это у тебя лучше получается».

Отправив сообщение, я запихиваю телефон под подушку и фокусируюсь на экране телевизора. От ленивой субботней расслабленности не осталось и следа. Я раздражена и сейчас, пожалуй, самое время идти в спортзал.

Бульк.

Хватит, Мирра. Оставь телефон под подушкой и продолжай смотреть телевизор. А лучше встань, умойся и топай в спортзал сжигать двойную порцию пасты.

«Ты злишься, потому что я попал в точку. Всевидящее око здесь ни при чём. Счастливая женщина никогда бы не разместила свой профиль в подобном приложении и не стала бы переписываться с незнакомцем сразу после того, как другой мужчина вылез из её постели. Сегодня утро выходного, а он уже оставил тебя одну. Твой вчерашний секс либо женат, либо не горит желанием проводить с тобой время. Недостоин тебя по любому из пунктов».

Я несколько раз пробегаюсь глазами по этому сообщению и невольно поражаюсь, как тот, кто меня совершенно не знает, только что парой фраз обнажил неприглядную подноготную моей жизни. Раздражение моментально проходит. Я не умею злиться на правду, от кого бы она ни исходила. Определённо, тот с кем я переписываюсь, умён и наблюдателен. Неужели всё-таки пенсионер-философ с тремя высшими образованиями?

Бульк.

«Пришли мне своё фото, Мирра. Любую часть тела, какую захочешь. Не обязательно интимную».

В животе нарастает странное покалывание, и учащается пульс. Нельзя не признать, что виртуальный собеседник меня будоражит. Его просьба меня почти возбуждает, но не так, как секс с Никитой. Там срабатывает физиология – здесь задействован мозг.

Что мне делать? Отказать? Конечно, так будет правильнее, но делать это почему-то не хочется. Потому что мне интересно, какое сообщение последует за фотографией. Да-да. Мне любопытно знать, что Савва напишет.

Не слишком долго раздумывая, я вытаскиваю из-под одеяла ступни и направляю на них камеру смартфона. В кадр попадает кремовый педикюр и голубой икеевский пододеяльник. Отличное, к слову, цветовое сочетание – не стыдно отослать.

Ответа не приходит в течение минуты, и я начинаю жалеть, что позволила втянуть себя в эту аферу с фотографией. На всякий случай даже пальцы на ногах разглядываю: нет ли в них чего-то отталкивающего?

Бульк.

«Я немного загляделся. Получилось интимнее, чем я предполагал. Тридцать седьмой размер, правильно? Я представлял тридцать восьмой».

Понятия не имею, как такое возможно, но сейчас я вдруг отчётливо представляю, с какой интонацией мой собеседник мог бы это произнести: с низкой, чарующе-хриплой. От волнения я даже начинаю ёрзать на кровати. Пылают щёки.

«Мне нужно идти на тренировку, Савва. Хорошего дня»

«Наш ужин. Сегодня в семь вечера».

Застыв, я разглядываю это сообщение. Стоит ли с ним увидеться? Я, конечно, ему обещала, но… Стоит ли? С другой стороны, мы ведь встретимся в людном

месте, и я в любой момент вольна уйти. Собеседник из этого Саввы (если это, разумеется, его настоящее имя) как минимум интересный, а ещё отпадёт потребность представлять его красивым и додумывать выгодные детали: высокий рост, пронзительный взгляд, чистую кожу и широкие плечи. Нужно быть реалистом: видные и образованные не станут зависать на сервисах знакомств.

Итого, наше свидание – отличный повод развеять флёр загадочности, которым Савва так мастерски меня опутал.

«Сегодня я не могу. Если только завтра».

Вообще-то я могу и сегодня, но не хотелось соглашаться на его условиях. Мой собеседник и так слишком вольготно ощущает себя в нашем общении.

«Хорошо. Завтра в семь вечера. Скай Лаунж».

«Скай Лаунж» я знаю – бывала там пару раз с Никитой. Шикарный вид, превосходная кухня и ценник гораздо выше среднего. Вероятно, при наличии острого ума у моего собеседника нет проблем и с деньгами, ну либо же он рассчитывает поужинать за мой счёт. Может быть, ради этого всё и затевалось?

Тут мне в очередной раз становится смешно, что я позволила втянуть себя во всё это, но любопытство не позволяет дать заднюю.

«Договорились. Как я тебя узнаю?»

«Никак. Тебя узнаю я».

5

Воскресное утро встречает меня тяжестью в висках. Мы с Викой всё же выбрались вчера в «Артель», где пропустили по паре Беллини. Два коктейля могут показаться кому-то ерундой, но у меня с алкоголем сложные

взаимоотношения, и моя комфортная доза – один бокал красного сухого.

Прочесав пальцами спутанные от сна волосы, я воспроизвожу в памяти минувший вечер. Пострелять глазами по сторонам потребности не возникло, потому что почти сразу с позволения Вики к нам за столик десантировались два парня: Радик и Лёша. Кажется, они заранее нас распределили, потому что с первых же секунд Радик сконцентрировался на мне, а внимание его друга целиком упало на Вику.

Это было странно. Широкие, не всегда уместные улыбки, излишек блеска в глазах, нарочитые касания. Парни, к слову, были симпатичные, и не пытайся они за час успеть то, на что незнакомым людям обычно требуется пара дней, вечер можно было бы счесть приятным. Нет во мне этой Викиной лёгкости, позволяющей не относиться к подобным встречам как к чему-то противоестественному.

С другой стороны, чем лучше моя договорённость об ужине с парнем, с которым я знакома лишь по переписке? Да и как знакома – незнакома совсем. Это ведь только он знает, как я выгляжу, и даже в курсе моего размера обуви.

Я стягиваю с тумбочки стакан минеральной воды, предусмотрительно поставленный там с вечера, и опустошаю его в три глотка. Может быть, всё же отказаться от этой встречи? То, что парень угадал с моей внешностью, взяв с меня импульсивное обещание, в итоге ни к чему не обязывает. Виртуальный мир тем и хорош, что там всё не по-настоящему. Люди могут писать вещи, которые никогда бы не сказали вслух, могут присылать друг другу части тела без боязни быть узнанными на улице, могут даже заняться сексом и не проснуться следующим утром от желания помыться.

Пожалуй, следует признать, что мне нравился тот эффект неожиданности, который умел произвести мой виртуальный собеседник, и немного грустно, что этот ужин с девяностопятипроцентной вероятностью положит конец нашему общению. Я себя знаю. Наверняка обнаружу в нём кучу дефектов: явное желание впечатлить, обкусанные ногти, незнание столового этикета, писклявый голос. Возбуждение мозга, которое он так мастерски инициировал, пройдёт, и я с разочарованием закрою эту страницу.

Бульк.

«Доброе утро, Мирра. Я не буду спрашивать, в силе ли наш ужин, потому что он в силе. Не нужно искать причины, чтобы отказаться. Это очень скучно».

Не была бы я в комнате одна, начала бы озираться по сторонам. Пожалуй, к теории о пенсионере-философе следует добавить ещё одну версию: я имею дело с психологом, проводящим исследование. Но Савва прав: отменить встречу после того, как дважды на неё согласилась, – это и впрямь скучно.

«Я не планировала отказываться. Увидимся сегодня в семь».

Отложив телефон, я поднимаюсь с кровати и перемещаюсь на кухню. Выпиваю два стакана воды, чтобы устранить неблагоприятные последствия вчерашних возлияний, и, поставив вариться яйца, иду в душ. Там, подставив лицо под тёплые струи, перебираю в голове свой гардероб. Что вообще надевают на подобные мероприятия? Это не свидание, не деловая встреча и не ужин друзей. Это просто импульс, случайный продукт ненастоящей жизни. Достаточно выглядеть… достойно.

«Выглядеть достойно» в моём понимании – это разгладить утюжком волосы, но при этом не превратить их в зеркальную фольгу, нанести выдержанный макияж и облачиться в приталенный брючный костюм, чью строгость разбавит шёлковый топ. В таком виде у собеседника не возникнет мысли, что я пришла с целью заинтересовать его как мужчину, и при этом мне будет комфортно среди других «украшенных» посетительниц.

Сидя в такси на пути в «Скай Лаунж», я вдруг понимаю, что за весь день ни разу не вспомнила о Никите. И что выходит? Едва у меня появилась возможность занять свободное время, я перестала в нём нуждаться? Так было с самого начала, либо же это его отстранённость постепенно подвела меня к автономности?

– Добрый вечер, – администратор «Скай Лаунж», эффектная блондинка с форменном чёрном платье одаривает меня выверенной улыбкой. – Вы бронировали стол, или вас ожидают?

Я машинально смотрю поверх её плеча, словно ярко-освещённый зал может подсказать мне правильный ответ, и наобум отвечаю:

– Меня ждут. Стол на Савву.

Невольно напрягаюсь: вдруг никакой брони нет и сейчас меня позорно развернут. «Скай Лаунж» – востребованное заведение, и даже если я слёзно попрошу приютить меня за одним из столов, это вряд ли смогут организовать. В вечер выходного дня у них всегда полная посадка.

– Пойдёмте, я вас провожу, – неожиданно произносит девушка, за секунду рождая во мне облегчение и одновременное волнение. Облегчение от того, что мне не придётся ощущать себя полной дурой и плестись домой, и волнение, потому что через какую-то минуту состоится, пожалуй, самая необычная встреча за всю мою жизнь.

Проходя между столами, усыпанными разноцветными брызгами посетителей, я то и дело кручу головой, примеряясь. Он или не он? Мужчина с седеющими висками, приложивший к уху телефон, мог бы быть Саввой? А тот худощавый парень в модном свитере и стильных роговых очках? Этот, пожалуй, мог бы. И ошеломляющая мысль: «А вдруг меня встретит кто-то из знакомых»? Вдруг все эти угадывания имеют под собой вполне рациональное объяснение?

Я даже шаг замедляю. Это будет самый худший вариант, который не оставит мне ни единого шанса остаться и поужинать. Эх, Мирра-Мирра. Будет тебе впредь уроком – не стоит слать анонимам свои голые ступни.

– Ваш стол, – журчащим голосом объявляет администратор, указывая на белоснежную скатерть, сервированную хрустально-фарфоровым глянцем. – Хорошего вечера.

Тёмная фигура, занимающая стул, не спеша поднимается, уничтожая мой последний шанс на непричастность к происходящему. Синий пиджак, под ним – чёрная футболка с круглым воротом. Высокий рост и даже плечи, на удивление, широкие. Тёмные, зачёсанные назад волосы, едва заметная небритость. Мы определённо не знакомы, и это определённо не философ-пенсионер. Мужчина или парень, стоящий напротив, если и не считается красивым по канонам золотого сечения, то однозначно привлекателен и даже в толпе редко остаётся незамеченным. Особенно поражают его глаза: пронзительно-синие, глубокие. Встретившись с ними, не сразу удаётся отвести взгляд – так бывает, когда имеешь дело с чем-то необычным, что хочется непременно разгадать. Мы

видимся впервые, но мой виртуальный собеседник смотрит так, словно знает меня вечность.

6

– Здравствуй, Мирра, – синий взгляд собеседника беззастенчиво обволакивает меня, скользит по волосам, лицу, плечам, спускаясь ниже. Я кожей ощущаю исходящее от него удовлетворение. Не любопытство от встречи, не интерес, не удивление, а именно удовлетворение – словно так он себе всё и представлял, и ничего не выбивается из его плана.

Писклявый голос можно смело вычёркивать из списка потенциальных недостатков Саввы, или как его в реальности зовут. Он очень мужской и ровный, без высоких нот, но и без возрастной басовитости.

– Здравствуй.

Я начинаю немного теряться от настойчивого вторжения сильной энергетики и машинально берусь за спинку стула. Хочется поскорее сесть.

– Позволь, я сам, – звучит незамедлительно, и в следующую секунду парень сокращает расстояние между нами почти до интимного, встав позади меня. Рост примерно сто восемьдесят пять сантиметров, изысканный парфюм: запах терпкий, но не тяжёлый. Пока ни одного промаха, но ведь это только начало вечера.

Я с достоинством приземляюсь на стул и обещаю себе во что бы то ни стало прекратить это хозяйское доминирование. У парня определённо есть масса причин для такой уверенности в общении с противоположным полом, вот только и у меня с самооценкой всё в порядке. Неудавшиеся отношения с Никитой не в счёт.

– Давай сначала закажем еду, чтобы в дальнейшем не отвлекаться от общения, – распоряжается мой спутник, вновь занимая своё место. – Только не говори, что ты не голодна или будешь только салат и воду.

Я снова чувствую укол раздражения от его фамильярности. Будто он точно знает, что я собираюсь строить из себя бесплотную нимфу, питающуюся воздухом.

– Я и не планировала. Здесь прекрасно готовят, я не сижу на диете и, придя в ресторан, никогда не преследую цели сэкономить.

Губы парня трогает улыбка, от которой на щеках появляются глубокие ямочки. Они, как и цвет глаз, делают его лицо выдающимся, но отнюдь не милым. Внешность моего собеседника – только обёртка, не передающая сути. Такое бывает с актёрами: на снимке вы видите лишь привлекательного человека, а волшебство начинается, когда фото оживает, дополняя образ деталями: улыбкой, тембром голоса, движением губ и бровей. Именно эта эксклюзивная мимика, а не мёртвая статика, завоёвывает миллионы сердец, и то, что я думаю обо всём этом, глядя на незнакомого парня, мне совершенно не нравится.

– Всегда оставайся со мной такой же прямолинейной.

– Тебя и правда зовут Савва? – решаю сразу избавить себя от дурацкой необходимости называть его вымышленным именем и заодно перебить это наблюдающее ожидание в его глазах.

– Конечно. Для чего мне его выдумывать?

Ему удаётся сказать это так, что не возникает ни малейшего сомнения в том, что он не врёт. Пожалуй, эту черту можно отнести к числу достоинств Саввы.

Из-под опущенных ресниц я смотрю на его пальцы, обхватившие меню. Длинные, как у пианиста, без колец и татуировок, заусенцев и грязи под ногтями нет. В копилке минусов пока по-прежнему находятся лишь фамильярность и самоуверенность.

Манеры Саввы тоже не вызывают нареканий: он терпеливо дожидается, пока я расспрошу официанта о составе основного блюда, сделаю заказ, и только потом называет свой. Никита соблюдал эту традицию не всегда.

– Как ты меня себе представляла, Мирра? Выше, ниже, толще, старше, моложе, уродливее, красивее?

В синих глазах светится неподдельный интерес и нет ни намёка на сомнение. Услышать ответ он не боится, подтверждая, насколько в себе уверен.

– У меня не сложился твой чёткий образ, потому что было мало времени на фантазии.

– В самое сердце, Мирра, – мой собеседник прикладывает длинные пальцы к левой половине груди и изгибает губы в шутливой улыбке. – Неужели три дня виртуального общения слишком мало, чтобы попытаться меня представить?

Очевидно, сейчас мы перешли к той части, в которой я не слишком сильна и в которую не планировала быть вовлечённой: флирт. И я не испытываю ни малейших угрызений совести за то, что не собираюсь его поддерживать.

– Я хочу сразу пояснить, что регистрация в сервисе знакомств была спонтанным мероприятием и не имела под собой реальной цели познакомиться. Наверное, поэтому я и не пыталась тебя представить.

Глядя на Савву, я не могу решить, действительно ли он уязвлён моими словами. Ямочки на его щеках никуда не делись, но взгляд стал более тёмным, почти стальным.

– Пусть так. Расскажи мне о себе. Не что-то конкретное, а всё, что захочешь.

Я тянусь за стаканом воды, чтобы дать себе время определиться, насколько я готова допустить его в свою жизнь, и в итоге выдаю самое скучное и самое безопасное:

– Я возглавляю отдел продаж известной косметической фирмы. Окончила Высшую школу экономики, в Москве живу одиннадцать лет.

Савва щурит глаза.

– Редко кто любит признаваться на первом свидании, что в столице он просто гость. Или ты из Санкт-Петербурга?

– Нет, я из Нижнего Новгорода и не вижу в этом ничего постыдного. И у нас не свидание.

– Нижний Новгород, – задумчиво произносит мой спутник, словно осмысливает какой-то ребус. – Интересно. И да, у нас свидание.

Я решаю не вступать с ним в бессмысленный спор. Что бы Савва ни возомнил о нашей встрече, это никак не влияет на то, как вижу её я. К тому же, официант принёс еду.

– Сколько тебе лет, Мирра?

– Мне двадцать девять. В январе будет тридцать, – я не удерживаюсь от насмешливого ехидства: – С определением размера ноги по фотографии ты справился, а с возрастом нет?

– К чему гадать, если есть возможность спросить, – без тени веселья парирует Савва, глядя мне в глаза. – Я младше тебя на три года.

Я насаживаю листок салата на вилку, но не решаюсь отправить её в рот. Он будто ждёт моей реакции на это заявление. Будто ему важно её увидеть.

– Вряд ли после определённого возраста это становится препятствием для общения.

Ответом мне становится ослепительная улыбка, от которой странно щекочет в груди и в животе. Его верхняя губа полнее нижней, зубы ровные и естественно белые. Мне всё ещё нечего добавить в копилку его минусов.

– Спроси у меня всё, что захочешь, Мирра. Обещаю ответить честно.

Я откладываю вилку и беру пару секунд на раздумья. Пожалуй, это отличная возможность удовлетворить своё трёхдневное любопытство.

– Мне сложно поверить, что ты угадал в моей внешностью. Ты за мной наблюдал? Мы пересекались по работе? У нас есть общие знакомые?

– Нет. Нет. Нет. И ещё раз нет. То, что мы сидим здесь… Считай это волшебной силой момента. Что-нибудь ещё?

– Чем ты занимаешься? Я имею в виду трудовую занятость.

– Моя компания занимается разработкой компьютерных игр.

Я даже пасьянс на собственном ноутбуке ни разу не раскладывала, поэтому неопределённо мычу «Угу» и из вежливости интересуюсь:

– Какие, например?

И тут, к моему изумлению, он называет компьютерную игру, которую знает любой пользователь интернета, включая меня. Её просто невозможно не знать хотя бы потому, что её реклама украшает все самые посещаемые сайты.

Теперь на смену «Угу» приходит искреннее:

– Ого. Это ведь какая-то кровавая стрелялка?

Савва начинает рассказывать, как ему в голову впервые пришла идея создавать игры, и я, сама того не замечая, целиком погружаюсь в его историю. В его манере говорить есть что-то гипнотическое: глубокий тембр голоса с мягкими перепадами тональности, грамотная речь без стилистических изъянов и мусора вроде «вот», «э-э-э», «значит». И главное, повествование выходит действительно занимательным и без претензии на пафос. Кажется, будто этот парень считает оглушительный успех своей игры не более чем удачей.

– Ты ведь приехала на такси? – спрашивает Савва после того, как официант забирает у меня тарелку с недоеденным десертом.

– Да. Я не езжу за рулём.

Он выкладывает на стол две купюры, сумма которых значительно превышает итоговый счёт, и поднимается:

– Я тебя отвезу.

7

– Спасибо за вечер, – развернувшись, я смотрю Савве в лицо, чтобы мой последующий отказ от его услуг по доставке не выглядел трусостью.

Неоновые блики отражаются в его глазах, делая их ещё более яркими и бездонными, и я позволяю себе ими залюбоваться. Это странно – любоваться мужчиной, но сейчас это кажется на удивление позволительным. Потому что мой спутник тоже разглядывает меня так, словно видит впервые и словно не мы провели полтора часа за разговорами.

– Отвозить меня не нужно, – заставляю себя разорвать наш зрительный контакт, который до абсурдного затянулся. – На такси мне привычнее.

Я готова увидеть недовольство, смятение, намёк на разочарование или равнодушное согласие, но реакция Саввы в очередной раз меня удивляет:

– Если ты полагаешь, что ехать в такси с незнакомым человеком безопаснее, чем с тем, с кем ты знакома несколько часов, то ошибаешься. Таксист может заблокировать двери и в любой момент свернуть с маршрута, не говоря уже о других минусах пользования общественным транспортом вроде грязных сидений и неприятного запаха. Не вижу ни единой причины, по которой мне нельзя проехать пять-десять лишних километров по Садовому.

– Откуда ты знаешь, что моя квартира находится именно на Садовом, а не в Химках?

Губы моего собеседника трогает усмешка.

– Ты и не в центре? Не вяжется. К тому же, прожив в отдалённом районе одиннадцать лет, ты бы рано или поздно задумалась о покупке автомобиля. Тот, кто не привык экономить в ресторанах, дорожит своим комфортом.

Умный, красивый, успешный, обходительный. Что ты забыл в сервисе романтических знакомств, Савва? Женщины таких не пропускают и редко отказывают.

– Моя машина прямо за шлагбаумом, – продолжает он и, коснувшись моего локтя, разворачивается в сторону ресторанной парковки. – Пойдём.

Сейчас я готова признать, что растерялась. Доминирующая близость красивого мужчины, которого я никак не могу разгадать, и его такое естественное касание приводят меня в ступор. Я вдруг отчётливо понимаю, как нелепо прозвучит: «Нет-нет, я всё равно поеду на такси, несмотря на твои вполне разумные доводы».

Я ведь совсем не феминистка, тащащая впереди себя знамя «Я всё могу сама». Я и правда могу, но при этом вовсе не стремлюсь отнимать у мужчин их хлеб, не позволяя им совершать мужские поступки. В случае с Саввой скорее бунтует моё подсознание. Я люблю контролировать ситуацию, а с ним это не всегда получается.

Я почти не удивляюсь, когда мы подходим к эффектной спортивной машине, чей бампер касается земли. Пожалуй, именно такая должна быть у гения компьютерных игр.

– Тебе уже можно называть свой адрес, – произносит Савва, когда автомобиль, издав урчащий рык, выезжает за шлагбаум.

– Ты собираешься поехать настолько быстро, что я могу не успеть? – отшучиваюсь я, нащупывая ремень безопасности. – Садово-Поперечная, двадцать семь.

Я терпеть не могу неаккуратную езду и сейчас предвкушаю, что парень из соседнего кресла, наконец, испортит свой рафинированный образ, поведя машину как малолетний отморозок. Да, я хочу, чтобы он дал мне повод сказать себе: «Так я и думала».

– Чем ты обычно занимаешься по вечерам, Мирра? Что подразумевает твой досуг?

Не похоже, что он имеет намерение превратить Садовое кольцо в гоночную трассу: его спина расслабленно покоится в кресле, ладонь мягко вращает руль, а стрелка спидометра замерла на законопослушных шестидесяти.

Вздохнув, я пожимаю плечами:

– Отдыхаю после работы, смотрю фильмы, встречаюсь с подругами.

Трахаюсь с Никитой.

– Путешествуешь?

– Да. Люблю ездить по странам. Посещение новых мест – лучший отдых для меня.

Диалог выходит односторонним, но я почему-то не могу заставить себя задавать ему встречные вопросы. Не потому, что не хочу узнать о нём больше – как раз-таки хочу – но интуитивно чувствую, что не стоит.

Я собираюсь запротестовать намерению Саввы заехать ко мне во двор, но в итоге лишь предусмотрительно отстёгиваю ремень, когда мы плавно минуем въездную арку. Ладно. Пусть выполнит миссию провожающего до конца.

– Это мой подъезд, – указываю на нужную дверь. – Спасибо, что довёз.

– Я помогу тебе выйти, – произносит Савва будничным тоном и, заглушив двигатель, поясняет: – У машины низкая посадка, и без должной сноровки это довольно проблематично сделать.

Пока он обходит капот машины, я смотрю на дверь и примеряюсь: действительно ли проблематично? Прихожу к выводу, что да, это сложно, особенно с учётом того, что ручка расположена на расстоянии вытянутой руки, а мой зад находится вровень с землей.

– Ты снимаешь здесь квартиру? – Савва обводит глазами периметр дома, перед тем как сфокусироваться на мне.

– Да. Почти шесть лет.

– Этот дом тебе не идёт.

Понятия не имею, комплимент это или нет. Я живу в отлично реконструированной сталинке с видом на проспект. Может быть, он подразумевает неподходящий год постройки?

– Спасибо за ужин и за то, что завёз прямо во двор…

– Пригласи меня подняться.

Если бы он сжал ладонью мою шею, такого эффекта бы не было. Эта требовательная просьба и то, как он смотрит, – словно имеет право – в очередной раз за вечер выбивают меня из колеи.

– Это не входит в мои планы, и я не стану этого делать, – хриплю я и, быстро облизав губы, делаю шаг назад – он, оказывается, близко стоит.

– Не надо, – осекает Савва, и в этот момент я точно знаю, что моя попытка бегства не осталась незамеченной. – Пригласи меня. Сегодня секса не будет.

Он подходит ко мне вплотную и берёт моё запястье. Не переставая смотреть мне в глаза, проводит по нему большим пальцем: сначала мягко, затем настойчивее. От сильнейшего прилива крови вибрирует кожа. Что он о себе возомнил? Я ведь не позволяла ему себя трогать.

Из глубин моих лёгких выходит сипящий свист, когда поглаживание неожиданно переходит в давление. Оно сильное, почти болезненное, и отзывается горячим спазмом в животе.

Я совершенно теряюсь. Его энергия не просто вторглась в моё личное пространство – она уже вовсю хозяйничает внутри меня, рождая идиотские

мысли и рисуя неправильные картины. Вдруг становится важно знать, как его ладони будут ощущаться на моей талии и насколько сильно они умеют сжимать.

– Мы договаривались лишь об ужине, – я отдёргиваю запястье и прячу ладонь в карман пиджака. – Мне жаль, если ты решил, что оплаченный счёт и поездка сюда обяжут меня…

– Хватит говорить ерунду, – резко перебивает Савва, прижигая моё лицо стальным взглядом. Даже удивительно, как быстро его глаза изменили цвет, из пронзительно-синих за секунду став холодно-серыми. – Не нужно приписывать мне дешёвые приёмы. Я тебя услышал. Значит, в следующий раз.

«Следующего раза не будет», – думаю я про себя, но вслух решаю об этом не заявлять. Ладонь ещё странно зудит в том месте, где он меня касался, а в животе по-прежнему горячо.

– Спокойной ночи, – с показным спокойствием произношу я, перед тем как трусливо скрыться за подъездной дверью.

8

– А ты чем вчера занималась? – Ирина, моя коллега и по совместительству подруга, с деланым равнодушием смотрит на меня поверх кружки с кофе. Она по традиции ввалилась ко мне в обеденный перерыв, но сегодня, вместо обычных жалоб на вечно занятого мужа, решила устроить допрос. – Ходила куда-нибудь?

Отправив обещанный файл коммерческому директору, я прикрываю крышку ноутбука и уточняю:

– Вика проболталась?

Небрежное выражение мгновенно слетает с лица Иры и на нем проступают азарт вперемешку с любопытством.

– Конечно, она мне рассказала. Я жажду подробностей: кто он, сколько ему лет, женат, какая у него машина? И главный вопрос… – она делает паузу и многозначительно поигрывает бровями: – У вас уже было?

Моя личная жизнь для замужних подруг вроде реалити-шоу, за которым они с интересом следят, ибо их собственная перестала быть непредсказуемой и увлекательной. На выпусках с Никитой многие заскучали, но очевидно, вновь оживились, едва на горизонте замаячил потенциальный ухажер.

– Боюсь, я тебя разочарую. Это была разовая встреча, которая не подразумевала продолжение. Секса у нас, разумеется, не было, потому что не в моих правилах пускать к себе в квартиру незнакомых мужчин, как, впрочем, и ехать к ним домой. Насчёт того, женат он или нет, я не в курсе, но склоняюсь к тому, что не женат. На пальце не было кольца, и вёл он себя не как занятый мужчина.

Перед глазами вдруг отчётливо встаёт лицо Саввы: глаза, горящие требовательной синевой, губы, изогнутые в улыбке, резкие ямочки на щеках. Нет, он точно не женат. Почему-то я в этом уверена.

– Машина дорогая, спортивная. И он меня младше на три года.

– Пока не вижу ни единого препятствия для головокружительного адюльтера, – резюмирует Ира. – Разве что твоё скептическое выражение лица, за которое мне хочется тебя стукнуть. Или он урод? Если урод, то претензия к выражению лица снимается.

– Он не урод. Даже напротив, многие бы сочли его красивым.

– Тогда, блин, что не так? Или ты всё ещё рассчитываешь построить будущее с бревном по имени Никита?

Уместный вопрос. Рассчитываю ли я? Однозначно, больше нет, но причина моего отказа от дальнейших встреч с Саввой (если он, конечно, ещё предложит встретиться) заключается не в этом.

– Я не думаю, что сервис знакомств – подходящий старт для отношений, и к тому же, предпочитаю мужчин на пару-тройку лет старше. А ещё этот парень

слишком настойчив. Прёт как танк в буквальном смысле этого слова.

Ирина выразительно закатывает глаза и с шумом отхлёбывает кофе.

– Ты с каких пор стала такой занудой, а, Мирр? Должность, что ли, так на тебя действует? Ну вот взять твоего задротушку Никиту: старше тебя на четыре года и инициативы в нём, как в мусорке рядом с твоим столом. И чего? Счастлива ты с ним? Не похоже. Раньше ты живая была, а сейчас превратилась в робота. Вроде и выглядишь шикарно, а вот огня в тебе нет. А женщине нужен огонь.

Возможности прокомментировать пылкую тираду подруги я лишаюсь, потому что в этот момент раздаётся звонок по внутреннему.

– Андреев, – поясняю я, снимая трубку.

Ирина без слов ретируется. Приоритет нашего генерального не осмеливается оспаривать даже она.

Уже вечером, возвращаясь домой шумной центральной улицей, густо украшенной ресторанными террасами, я думаю над её словами. А был ли во мне когда-то этот самый огонь? С девятнадцати лет я трижды состояла в отношениях и ни в одних не испытывала того, о чём так любили рассказывать подруги: бешеной страсти к избраннику вкупе с неконтролируемой ревностью, желания проводить с ним каждую свободную минуту, лишения сна на фоне чувств и всего остального, что принято считать непременными атрибутами влюблённости. Моя увлечённость проходила намного ровнее, без перепадов в настроении и гормональных скачков. Жалею ли я об этом? Не уверена. Достаточно вспомнить, что происходило с той же Ирой, когда она обнаружила в телефоне мужа переписку с другой женщиной. Невыходы на работу, затяжные истерики и чудовищная потеря веса однозначно не для меня. Как правильно заметил Савва, мне очень важен собственный комфорт.

Савва. Вот с кем о комфорте можно забыть. Слишком напористый, слишком самоуверенный, слишком непредсказуемый, слишком прямолинейный. Нет, здесь даже думать нечего.

Звонок Никиты застаёт меня, когда я, стоя перед дверью, роюсь в сумке в поисках ключей. С секунду я смотрю на его безупречное лицо, занимающее

половину экрана, после чего сбрасываю вызов. Надеюсь, ему хватит ума не притащиться ко мне домой, потому что впускать его я не планирую. Предложу встретиться на днях и объявлю, что наш негласный контракт на секс считается недействительным ввиду незаинтересованности одной из сторон. Хватит обманывать себя.

Суп по-норвежски из любимого супермаркета, на десерт – круассан, купленный в кофейне по пути домой. Приняв душ, я переодеваюсь в пижаму, вооружаюсь кружкой травяного чая и залезаю в кровать. Сегодня я решила лечь пораньше, потому что с завтрашнего дня возобновляю пробежки в парке. Быть может, ранняя физическая активность привнесёт огня в мою жизнь.

Бульк.

От неожиданности я едва не проливаю чай на одеяло. Осторожно поставив кружку на тумбочку, с опаской смотрю на телефон. Расслабленность перед сном моментально улетучивается, замещаясь гулкой вибрацией крови, напитывающейся адреналином. Откуда взялась такая реакция? Я ведь всё для себя решила.

«Ты уже дома? Чем занимаешься?»

Что магического есть в этих вопросах, отчего так хочется на них ответить? Возможность потешить своё эго тем, что красивому мужчине хочется знать, какими неинтересными вещами я занимаюсь в вечер понедельника?

Проклиная своё неугомонное тщеславие, я печатаю:

«Собираюсь спать».

Достойный намёк на неуместность дальнейшей переписки, как по мне.

Возвращаю телефон на подушку и тянусь за чаем. Если Савва не дурак и не мазохист, он поймёт, что дальше писать не стоит.

Бульк.

«Ты лежишь в кровати?»

Кружка так и остаётся стоять на тумбочке, зато непроизвольно сжимаются колени. Перед глазами снова проносится эта чёртова картина: белый свет фонаря, испепеляющий взгляд и жар чужой руки, вбивающий под кожу немое требование «Пригласи».

Ты серьёзно, Мирра? Это лишь неуместный, довольно банальный вопрос.

«Я сказала, что собираюсь спать»

«Ты вспоминала об мне?»

Замерший кадр вчерашнего вечера оживает, превращаясь в кино, снятое по чьему-то извращённому сценарию: пальцы, сжимающие моё запястье, поднимаются выше, пробегаются по предплечью, касаются ключицы. Синий взгляд становится совсем близко, терпко-горячее дыхание сливается с моим подбородком.

Живот окатывает жаром возбуждения, и я невольно закрываю глаза, отчего неправильное кино лишь набирает обороты. Твёрдое тело на мне, прерывистые вздохи, хриплый голос, звучащий над моим виском.

Не дав себе времени передумать, я накрываю пальцем значок приложения и делаю то, что собиралась сделать со дня его установки: жму «Удалить».

9

– Лисицына крайне благосклонно восприняла идею о вводе базовой линейки в их магазины на условиях трёхмесячной отсрочки. В случае вашего одобрения я буду настаивать на сокращение отсрочки до сорока пяти календарных дней.

Я удерживаю тяжёлый взгляд генерального, обыскивающий моё лицо, и после того, как он начинает постукивать карандашом по столу, переключая внимание

на остальных участников совещания, позволяю себе откинуться на спинку кресла. Карандаш – это всегда хороший знак. Так Андреев обмозговывает идеи, которые, по его мнению, являются перспективными.

Валерия Лисицына – владелица сети косметических магазинов уровня масс-маркет, которые за последний год фактически уничтожили других конкурентов, благодаря демократичной ценовой политике и широкому охвату торговых точек. Поставка им нашей базовой серии очищения и увлажнения может стать моим вторым крупнейшим контрактом со времён подписания договора с «Серебряным Гранатом», и вывести меня как руководителя на совершенно новый уровень.

– Не вижу реакции других участников совещания на новости, – с деланым недовольством басит генеральный, по очереди задерживаясь глазами на каждом из трёх своих любимчиков. «Любимчиками» мы с Ириной окрестили глав рекламного и маркетингового отделов и заместителя – единственных, к кому такая скептичная и упрямая личность, как Андреев, готов прислушиваться.

– Я только на прошлой неделе Фомину показывал цифры их товарооборота за квартал, – оживает любимчик номер один, Сергей Лединский. Он работает в компании относительно недавно и уже успел расположить к себе многих, включая меня. Ему тридцать три, но он выглядит младше благодаря худобе и молодёжной манере одеваться. Счастливо женат и явно наслаждается своей работой. К гармоничным людям, как правило, всех тянет. – Показатели впечатляющие.

– Услышал тебя. Ты что скажешь, Виктор Леонидович?

Виктор Леонидович – это Колесов, рекламщик. Конфликтов я с ним не имею, но и симпатии не испытываю в силу своих человеческих предпочтений. Я люблю понимать людей, а общаться с Колесовым – это будто сидеть на пороховой бочке. Один день он фонтанирует гениальными идеями, воодушевляя целый отдел, а уже на следующий – запирается у себя в кабинете и на каждую попытку обратиться к нему по рабочему вопросу упавшим голосом сообщает, что его постиг творческий кризис, и сегодня он к конструктивному общению не расположен. Возможно, такова оборотная сторона креативности, но лично я отказываюсь её принимать, ибо она мешает выполнению поставленных задач. Вряд ли креативность и дисциплинированность – взаимоисключающие понятия.

– У меня даже концепт баннера под это дело есть, – Колесов начинает постукивать по столу ручкой, копируя манеру генерального. – Тот, который по стилистике в «Гранат» не прошёл. На масс-маркет впишется идеально.

Я бесшумно выдыхаю: Виктора удалось застать в стабильном состоянии. И тут же напрягаюсь, когда слышу резкий голос, пропитанный снисходительностью:

– Я так понимаю, парой нехитрых фраз мои коллеги выразили своё согласие с идеей, предложенной нашей многоуважаемой Миррой Георгиевной. К сожалению, не могу разделить их энтузиазма, – холодный взгляд мажет меня по щеке, и мне стоит усилий не потереть это место.

Матвей Гордиенко – заместитель Андреева и по совместительству злопамятный мудак, на регулярной основе вставляющий мне палки в колёса. Причина его нелюбви ко мне банальна до смешного: эго властного босса не выдержало отказа молодой сотрудницы, пришедшей в компанию на должность простого менеджера.

В первые месяцы моей работы в «Ландор» Гордиенко самолично взял надо мной шефство, якобы для скорейшей адаптации на рабочем месте. Подобное внимание руководства имело простое объяснение: интерес Матвея Андреевича был вовсе не профессиональный. Неоднократные предложения довезти меня до дома после затянувшегося трудового дня, нарочитые касания и СМС с приглашениями провести выходные вместе шли в разрез в моими представлениями о рабочей этике и отношениях, в которых я на тот момент состояла, – что в один прекрасный день я ему и озвучила. Тогда, не имея достаточного опыта, я жутко волновалась и тщательно подбирала слова с целью не обидеть вышестоящее руководство, но, как выяснилось, зря. Гордиенко было наплевать на форму моего отказа, и впоследствии я много раз жалела, что попросту не ткнула ему в лицо средний палец. Мудак покинул мой кабинет со словами «Ты пожалеешь, дорогуша» и с того дня делал всё, чтобы так оно и было. К его несчастью, любимчик номер четыре у Андреева – это я, и помешать моему карьерному росту Гордиенко не смог, как ни старался.

– Поясни, Матвей Андреевич, – великодушно распоряжается генеральный.

Презрительный взгляд заместителя покидает моё лицо, и сам он всем телом разворачивается к Андрееву. Плохой знак.

– Наш бренд – признанный знак качества по всему миру, штамп элиты. Ежедневно миллионы женщин видят нашу рекламу по телевидению, в интернете и на страницах глянцевых изданий. Рекламируют ли нашу продукцию простые обыватели? Нет. Потому что косметика «Ландор» – не для всех. Отдел продаж в лице Мирры Георгиевны пытается выполнить свою единственную функцию – продавать, но мы с вами… – эти слова Гордиенко произносит с нажимом, – как руководители обязаны смотреть дальше. На нас лежит миссия поддержания имиджа, и этот имидж мы, с позволения сказать, вымажем в грязи, если встанем на один прилавок с кремами «Алёнка» и «Бурёнка».

Я стискиваю зубы. Мстительный идиот. Где бы ты был со своей миссией, если бы не многомиллионные продажи, которые обеспечивает мой отдел? Будучи в курсе консервативности Андреева, он нарочно представляет «Аэлиту» низкосортной торговой сетью, хотя это далеко не так. Сегмент «Алёнок» – это одна полка, а в остальном магазины Лисицыной представляют брендовый масс-маркет, перемежающийся «средним» премиумом.

Карандаш выпадает из рук генерального, и он задумчиво поджимает губы. Знак – хуже не придумаешь. Это означает, что он возьмёт время на раздумья, а позже вызовет Гордиенко к себе, чтобы ещё раз всё обсудить. Моя задача – попасть к нему раньше. Аргументов, чтобы оспорить потенциальный ущерб имиджу компании у меня масса, но сейчас их лучше не озвучивать, чтобы не перегружать генеральному мозг.

– Хорошая была идея с «Аэлитой», Мирра, – намеренно задержавшись в дверях, Гордиенко одаривает меня издевательски-сочувственной улыбкой. – Страшно подумать, какие денежные бонусы она тебе сулила. Я давно говорю Андрееву, что нашей компании твой провинциальный стиль работы не подходит.

Я осматриваю его модный пиджак на предмет несовершенств вроде налипшей нитки, но ничего не нахожу. Это не мешает мне придвинуться к нему вплотную и несколько раз провести по плечу, чтобы смахнуть невидимую пыль.

В этот момент мимо нас проходит Серёжа Ледовский, и мне приходится значительно понизить голос, чтобы не травмировать его интеллигентскую психику.

– А не пошёл бы ты на хуй, Матвей Андреевич? Надеюсь, ты меня ясно услышал?

Я не позволяю себе насладиться тем, как его тонкие, словно рыболовная леска, губы примут форму обруча, и, развернувшись, ухожу. Этой фразой я только что превратила нашу многолетнюю холодную войну в кровавую бойню.

ПМС у меня, что ли? Конечно, нужно было сдержаться – пять лет это удавалось. К счастью, подобная выходка не грозит мне увольнением: я слишком ценный сотрудник, Андреев не сентиментален, и к тому же объяви Гордиенко об оскорблении – в офисе его засмеют. Но проблем у меня однозначно станет больше. С другой стороны, должны же в моей жизни быть какие-то радости. Никита, будто почувствовав, что дело идёт к разрыву, стал ещё более занятым, пробежки в парке пришлось отменить из-за недели дождей, а выходные я провела дома с книгой, потому что Вика, с которой мы договорились сходить на концерт, в последний момент уехала лечить заболевшего любовника. И Савва мне, конечно, больше не пишет – ведь я удалила приложение.

10

С работы я выхожу в положенные семь вечера, не задержавшись в офисе ни минутой дольше. Такое случается, когда Андреев решает провести время с семьёй и уезжает домой после обеда. Это играет мне на руку, потому что Гордиенко, отчаянно желающий меня размазать, не имеет возможности попасть к нему в кабинет. Сражаться за контракт я начну завтра – сегодня морально истощена.

Сейчас я нахожусь в том редком состоянии, когда возникает слабовольное желание пожаловаться кому-нибудь. Рассказать, с каким трудом я добилась встречи с Лисицыной, как тщательно готовила предложение по ценам и каким непростым на деле вышел разговор.

Лисицына – циничная сорокадевятилетняя тётка, из тех, кто прогрыз путь к большому успеху сам. С такими редко бывает легко, но мне, пусть и не сразу, удалось найти с ней общий язык. И всё это может пойти прахом, в случае если мстительному мудаку Гордиенко удастся настоять на своём. Жаловаться генеральному на предвзятость его заместителя смысла не имеет: на гендерную

принадлежность в нашей компании закрывают глаза. Хочешь руководить – не создавай проблем.

У моей внезапной потребности поныть в жилетку есть одно весомое препятствие: мне некому. Ирину я стараюсь не посвящать в дела компании, потому что она обязательно разболтает обо всём бухгалтерии, и собственная словоохотливость выйдет мне боком, Вике и Диане мои профессиональные чаяния не интересны – они обе домохозяйки. Может быть, по этой причине я выбрала Никиту? Предполагалось, что мы с ним находимся на одной волне карьерных достижений. Вот только его лодка предпочитает плыть слишком далеко от моей.

Поборов желание зайти в магазин за бутылкой вина, я вызываю такси до ближайшего торгового центра, где провожу нескольких часов в отделах нижнего белья, скупая самые провокационные комплекты. Почему-то именно красивое бельё наиболее эффективно поднимает мне настроение. Не имеет значение, что в ближайшей перспективе его никто не увидит, – я покупаю его для себя.

На обратном пути я прошу таксиста высадить меня на противоположной стороне от дома, чтобы зайти с круглосуточный супермаркет и купить полюбившийся салат с киноа. Небо окончательно стемнело, гул опустевших улиц стих, лишь изредка нарушаясь свистом проезжающих машин.

Ключи из сумки я начинаю доставать ещё в арке, не будучи уверенной в исправности дворового фонаря, который уже пару дней включается как ему вздумается.

– Время не подскажешь, девушка? – вдруг звучит из темноты.

От неожиданности я едва не роняю ключи и мысленно шикаю на себя: «Ну что за трусиха?» Времена уличных маньяков остались в детстве, в рассказах моей мамы.

– Без пятнадцати одиннадцать, – произношу с намеренной твёрдостью, призванной скрыть мимолетный страх. Делаю шаг и, распахнув рот, застываю, потому что на моём локте с силой смыкается чья-то рука. Близость немытого тела и запах мужского пота вызывают мгновенный приступ тошноты, и если бы

меня не парализовало от ужаса, то я бы уже стояла на четвереньках, изливая на асфальт выпитый кофе.

Кричать, нужно кричать. Зови же, чёрт возьми, на помощь, Мирра!

Я набираю в лёгкие воздух, но в ту же секунду мой рот накрывает зловонная лапища.

– Не ори, дура. Шею сверну.

Пакеты с бельём и продуктами падают из моих рук, колени подкашиваются от сильного тычка, а правую лодыжку простреливает острая боль. Лишив меня равновесия, бомж, или кто бы он ни был, тащит меня в соседнюю подворотню, где любят проводить время бездомные и местные алкоголики.

Шершавая и явно нечистая кожа больно сдавливает мне губы. Я машинально пытаюсь её укусить, но безрезультатно – лишь на нёбе оседает тошнотворно-горький вкус. Аммиачный запах мочи ударяет мне в ноздри, лопатки впечатываются в холодную стену. Лицо напротив скрыто темнотой, но я вижу: оно бородатое, грубое. Колено мужчины грубо вклинивается мне между ног, заставляя каблуки жалобно скрести по асфальту, и лишь тогда до меня доходит: он собирается меня изнасиловать. Эта мысль настолько поражает меня своей абсурдностью – разве в современном цивилизованном такое может происходить? – что я на несколько секунд даже перестаю брыкаться. Глаза становятся мокрыми – катятся слёзы. Я так давно не плакала… Пару лет точно. И никогда не делала этого из страха.

– Молодец, курочка… Лучше не дёргайся. Я бабу сто лет не трахал… Долго терпеть не придётся. Ну-ка, какая ты там…

Вонючая рука освобождает мой рот, но закричать я не успеваю, потому что уже в следующую секунду задыхаюсь от унижения. Слышится треск юбки, вслед за которым грубые пальцы проникают мне в бельё.

– Совсем без волос… высшего сорта тёлка… – пошло хрипит мужик, пытаясь протолкнуть руку глубже. Начинает кружиться голова, а к горлу подкатывает едкий кислотный комок – я бедром чувствую трущуюся о меня твёрдость.

И тогда я ору. Не кричу, не молю о помощи: я ору что есть мочи, потому что отчаянно хочу жить своей скучной правильной жизнью и не желаю остаток жизни проводить в кабинетах психотерапевтов в попытке забыть тот ужас, что меня ждёт.

Бородатое чудовище грязно ругается матом и наотмашь бьёт по меня губам. Солоноватый металлический вкус наполняет рот, заставляя поверить: я действительно нахожусь в одном из самых кошмарных своих снов. Тяжёлое тело наваливается на меня и, судя по торопливому движению рук, насильник пытается избавиться от штанов.

Я отчаянно брыкаюсь, захлебываясь слезами и подступающей тошнотой, задыхаюсь под грузом его веса. «Не может быть. Не может быть. Не может быть», – стучит в голове набатом.

А потом всё резко меняется. Запах пота исчезает, так же как и тяжесть, сдавившая мне кости. Всё ещё пахнет мочой, но воздух стал намного свежее.

Стерев запястьем слёзы, мешающие мне видеть, я растерянно смотрю вниз, где в метре от меня в спущенных штанах, держась ладонями за пах, хрипит и корчится насильник.

– Всё же я не зря решил к тебе заехать, – раздаётся из темноты глубокий мужской голос, звук которого наполняет тело неверием и диким облегчением. Именно сейчас мне хочется по-настоящему зарыдать.

Неважно, как он здесь очутился. Неважно, что скорее всего он за мной следил. Это совсем неважно. Главное, он меня спас.

– Я убью тебя, ублюдок, – коротко информирует Савва и отводит ногу.

Жуткий хруст и глухой стон. Я никогда не была свидетелем драки. Я терпеть не могу жестокость, но сейчас не могу пошевелиться, глядя как он методично избивает хрипящую массу ногами. Что я чувствую в этот момент? Ничего. Полное опустошение. Этот дурно пахнущий недочеловек только что собирался насильно засунуть в меня свой немытый член.

– Савва, хватит, – хриплю я, когда масса перестаёт издавать хоть какие-то звуки. – Хватит. У тебя могут быть проблемы.

Даже в темноте я могу разглядеть его глаза: яркие, горящие адреналином и яростью. Я вдруг вспоминаю, как он пахнет: по-мужски терпко, возбуждающе. Сейчас мне отчаянно хочется ощутить его запах, чтобы перебить ту вонь, которую я успела вдохнуть.

– Хватит, – повторяю я твёрже, опасаясь, что он ещё не готов остановиться.

Савва с явной неохотой отступает назад и делает едва уловимое движение рукой, убирая упавшие на лоб волосы. Я уже знаю, что сегодня никуда его не отпущу. Пусть спит на диване, ну или я могу спать на диване, а он ляжет в моей комнате. Сегодня я ни за что не останусь одна.

11

Подъём по ступеням даётся мне с трудом: кажется, я действительно подвернула ногу. В сотый раз сглотнув в попытке избавиться от металлического вкуса во рту, я нетвёрдой рукой вставляю ключ в личинку замка, но он отчего-то отказывается поворачиваться.

– Заело, по-моему, – поясняю я Савве, стоящему за спиной, и не узнаю свой голос, жалкий и дребезжащий.

Тёплые пальцы накрывают мою ладонь и по-хозяйски выдёргивают из неё ключи. Я не сопротивляюсь – просто отступаю назад, позволяя чужому человеку разбираться с дверью в мою квартиру.

Почему чужому? Сейчас Савва таким не ощущается. Каких-то пятнадцать минут назад он спас меня от одной из самых ужасных вещей, какие только могут произойти с женщиной. Этот бомж мог быть болен чем угодно… даже СПИДом… Он мог меня изувечить. Я могла от него забеременеть…

Господи, да что за идиотская привычка визуализировать самый паршивый исход? Я и так трясусь как перепуганная мышь.

– Кажется, всё в порядке, – сообщает Савва и указывает глазами на приоткрывшуюся дверь. – Прошу.

Нет, я и правда не в себе. Не смогла отпереть собственную квартиру.

– Спасибо, – бормочу я и, забрав у него помятые пакеты, которые мы подобрали по пути к подъезду, переминаюсь с ноги на ногу. Ну и куда делась моя былая решительность?

– Ты бы мог побыть со мной? Я… – Боже, как же сложно. Я никогда не просила мужчину остаться у меня, обычно они сами были тому инициаторами. – Не хочу находиться сегодня одна.

Синий взгляд окрашивается тёмными всполохами, мешая мне сходу угадать ответ, который становится известен уже через секунду:

– Конечно, Мирра. Я побуду с тобой.

******

Я осторожно снимаю с ног туфли и мельком оглядываю лодыжку: она немного распухла. Если срочно не приложить лёд, то про каблуки можно забыть на ближайшие две недели.

Савва безмолвно за мной наблюдает, стоя возле шкафа-купе. Нужно хотя бы попытаться быть гостеприимной, если уж я его к себе пригласила.

– Располагайся как тебе удобно, – мне даже удаётся вымучить из себя вежливую улыбку. – Я схожу в душ, а потом постараюсь тебя как-нибудь развлечь.

Савва очерчивает взглядом моё лицо, которое сейчас наверняка выглядит как полотно художника-сюрреалиста.

– У тебя кровь на губах. Он тебя ударил.

– Ты ему сполна за меня отомстил, – я снова пытаюсь улыбнуться, но с треском проваливаюсь: снова мокнут глаза и начинают дрожать губы. Ещё бы. Я пережила дикий стресс. Это абсолютно нормально.

– Нет. Нужно было его убить. И даже тогда этого было бы недостаточно.

Его слова звучат честно, без лишних пафоса и бравады, словно он действительно был готов его убить. Должна ли меня пугать подобная кровожадность? Возможно. Но меня не пугает. Мир совершенно ничего не потеряет, если того вонючего мужика не станет. Пока на моей одежде всё ещё есть его запах, я не склонна к ханжеству и пацифизму.

– В холодильнике есть сок и вино, – я машинально касаюсь рукава его пиджака, перед тем как скрыться за дверью душевой. – Я постараюсь недолго.

Растёкшаяся тушь, опухшие от слёз глаза и разбитая губа – таков вердикт моего отражения. Не так уж и плохо в сравнении с тем, что в действительности могло со мной случиться. Завтра позвоню секретарю Андреева и возьму выходной. Схожу на массаж и навещу психотерапевта, у которого не была больше полугода. Пусть изучит меня на предмет психотравмы. Гордиенко удвоит свои усилия по выживанию меня из компании, а мне необходимо быть во всеоружии.

Отшлифовав тело мочалкой до царапин, дважды намылив голову и трижды промыв половые органы антисептиком, я застываю под струями воды, чтобы дать себе время поплакать. Пара слезинок раздражает глаза и не более того. Большую часть своего унижения и страха я выплакала в пропахшей мочой подворотне.

Савву я нахожу в гостиной рядом со стеллажом, в его руках – рамка с моей фотографией. Теперь он имеет куда более подробное представление о моём теле, потому что это снимок с отдыха, и на нём я в купальнике.

– Рядом Вика, моя лучшая подруга, – поясняю я, заглядывая ему за плечо. – В прошлом году мы ездили вместе на Майорку.

Я почти теряюсь, потому что в этот момент он оборачивается. Наши лица оказываются слишком близко друг от друга, и я в очередной раз поражаюсь, насколько у него красивые глаза. Кажется, засмотришься чуть подольше – потеряешься навсегда. И даже отлично, что я об этом думаю сейчас: это гораздо лучше, чем вспоминать об эрекции бомжа.

– Она твоя самая близкая подруга? – спрашивает Савва, и его взгляд соскальзывает к ссадине на моей губе. Надеюсь, он разглядывает мой рот, что устраивает меня куда больше. Пусть сейчас и неуместно думать о том, что этот парень испытывает ко мне сексуальное влечение, но если это поможет пережить стресс, то почему бы и нет.

– Вика? Да, она самая близкая. Мы знакомы с одиннадцати лет. Учились вместе в университете, – и немного помолчав, решаюсь на встречный вопрос: – У тебя такие есть? Я имею в виду: друзья, с которыми ты общаешься продолжительное время?

Савва отрицательно качает головой, даже на долю секунды не выпуская из фокуса моё лицо:

– Нет, Мирра. У меня нет таких друзей.

Совсем не факт, что он чувствует то же, что и я: будто воздух в той крохотной прослойке между нами электризуется, делая каждую следующую минуту значимой и многообещающей. Достаточно совсем небольшого шажка, чтобы с головой уйти в его запах; нужно миновать всего десяток сантиметров, чтобы потереться щекой о ткань его рубашки и ощутить мужское тепло, которое сейчас кажется таким необходимым.

Но я так не умею, а потому трусливо отступаю назад.

– Уже двенадцать ночи. Спасибо, что согласился остаться… К завтрашнему дню моя паника пройдёт, но сегодня мне нужна была компания. У меня удобный диван. Я могу постелить тебе там.

– Ты действительно хочешь, чтобы я спал на диване?

Его прямой взгляд пронзает меня, словно игла – коллекционную бабочку, и я снова чувствую замешательство. Хочу ли я? Да, пожалуй, что хочу. Я не сплю с мужчинами в знак благодарности.

– На диване могу спать я, а ты можешь лечь в спальне. Сегодня у тебя полный карт-бланш.

– Ты кривишь душой, – хрипло говорит Савва, сощурив свои непростительно красивые синие глаза. – Но я лягу на диване.

Он отказывается от постельного белья и моих щедрых услуг горничной и ложится в гостиной, взяв лишь подушку.

Я тоже забираюсь в кровать как есть: замотанная в махровый халат и с влажными волосами. Подношу к носу прядь – не пахнет ли она тем отвратительным мужиком? – и лишь тогда понимаю, что совершенно не поинтересовалась его судьбой. Наверное, следовало вызвать полицию или хотя бы скорую. Эта мысль вызывает во мне содрогание. Проторчать вне дома ещё несколько часов, пересказывая равнодушным людям, как мне было мерзко, унизительно и страшно? Надеюсь, Савва отбил тому уроду яйца, навсегда лишив функции спаривания. Это было бы честным правосудием.

Затаив дыхание, я прислушиваясь к звукам, доносящимся из гостиной. Полная тишина. Он уже уснул? Пожалуй, с появлением Саввы моя жизнь перестала быть предсказуемой. Никита попал в мою квартиру… Когда? Спустя три недели активных свиданий и разговоров по Facetime, кажется. А сейчас в соседней комнате лежит парень, с которым до сегодняшнего дня я виделась лишь однажды и который, возможно, снял с себя всю одежду.

Боже, мне правда лучше поскорее уснуть.

Я крепче обнимаю подушку, твёрдо намереваясь воплотить свой план на сон в жизнь, и каменею, потому что в эту секунду тишина в гостиной перестаёт быть идеальной. Её нарушает поступь шагов.

Во рту пересыхает, когда я понимаю: они приближаются. Нет, Савва не встал выпить воды и не хочет в туалет. Он идёт сюда, ко мне.

Тёмная тень занимает весь дверной проём. Я ошиблась: он не разделся. Всё ещё в брюках, только рубашка расстёгнута.

– Ты что-то хотел? – шёпотом спрашиваю я под нарастающее биение сердца.

– А ты? Хотела что-нибудь?

Я машинально подтягиваю к груди одеяло, потому что, не дождавшись моего ответа, тёмная фигура начинает приближаться.

12

Хорошо, что полумрак спальни скрывает всю гамму эмоций, написанных на моём лице и то, как пальцы нервно сжимают одеяло. Ты ведь могла предвидеть такой исход, правда? Парень, который однажды уже говорил о запоминающемся сексе с ним, остаётся в твоей квартире. Он знает, что ты лежишь в соседней комнате и на тебе минимум одежды. Он ведь не евнух, чтобы не попытаться.

Главный вопрос, на который мне в срочном порядке предстоит ответить: хочу ли я его рядом? Мозги говорят однозначное «Нет»: я ведь знаю, что Савва для меня – это слишком. Но иррациональная часть шепчет: «Наплюй и позволь себе расслабиться. Сегодня у тебя есть железное оправдание – ты пережила дичайший стресс».

Длинная тень Саввы нависает надо мной, и я машинально отодвигаюсь назад. Избегаю его или приглашаю? Скорее, и то и то. Его дерзкий запах с лёгкостью уничтожает аромат жасминового саше, годами пропитывавший мою спальню, и даже на расстоянии я чувствую мужское тепло. Кровать пружинит уверенно и неторопливо: он не боится, что я его выгоню, а напротив – утверждается на моей территории.

– Ты боишься меня?

Он лёг совсем близко, так, что наши колени соприкасаются. Королевский размер кровати не спасает. Повернулся лицом ко мне, смотрит в глаза. Требует ответа.

– А я должна?

– Возможно. Ты любишь комфорт, а я люблю брать то, что мне нравится.

Не спрашивай. Не спрашивай его.

– И то, что нравится тебе сейчас, – это я?

– Да, – его голос в тишине спальни звучит уверенно и ровно. – Мы друг другу идеально подходим. Оба с дефектами. Ты любишь держать жизнь под контролем, а я контроль ненавижу. Ты сковываешь себя выдуманными рамками, а я привык эти рамки разрушать. Это большой соблазн для меня – заставить тебя жить по-настоящему.

Стоит ли мне задуматься над тем, что человек, практически меня не знающий, разглядел во мне дефект, который я порой сама в себе подозреваю? Определённо, здесь есть над чем поразмыслить. Правда не сейчас.

– Я и живу по-настоящему, Савва. Моя жизнь меня устраивает.

– Человек, который никогда не путешествовал, тоже утверждает, что в мире нет города прекраснее, чем тот, в котором он вырос. Но ведь мы с тобой знаем, что это не так.

– Считаешь, что я неправильно живу? – я позволяю себе тихо усмехнуться. – Не уверена, что это хорошая прелюдия к предложению встречаться.

– Я не сказал, что хочу с тобой встречаться.

Я не теряюсь лишь потому, что не хочу теряться при нём. Что значит «не хочет»? Тогда к чему это всё?

– А что ты имел в виду под словами «мы идеально друг другу подходим»?

– Я хочу полностью тобой обладать. Быть у тебя в голове, в крови, в твоём теле без дурацких условностей, которые ты себе придумываешь. Другие тебя боятся, а я нет. Я тебя вижу насквозь, и я тебя понимаю. Для меня ты прекрасна в своём дефекте. Особенный человек – слышала такое выражение? Для меня ты такая.

– И ты всё это понял, лишь взглянув на меня?

– Да. Женщина, красивая настолько, что нет возможности не обернуться. Очень одинокая, потому что не создана для слабаков. Подруги хотят видеть тебя такой же, как они. Но ты другая.

Моё дыхание сбилось и в глазах зудит – настолько эти слова задевают что-то внутри меня. Комплименты своей красоте я слышала неоднократно, но никогда – в такой форме.

– Боюсь, ты слишком многое обо мне додумал. Я самая обычная, и мои стремления обычны: создать семью, родить детей.

– Но тем не менее, ты каждый день возвращаешься в пустую квартиру. Ты ведь умеешь добиваться поставленных целей. Что не так?

– Может быть, мне нужен особенный человек.

Повисает тишина. Как и тогда, в гостиной, она электризует воздух, наполняя его ожиданием и желаниями. Хочу ощутить его тепло кожей. Хочу узнать, умеет ли он обнимать. Хочу на время забыть о своём дефекте и стать слабой. Я так устала всё контролировать, а Савва так невероятно пахнет.

Я придвигаюсь к нему ближе, и лацканы махрового халата упираются ему в грудь. Слизываю его дыхание, коснувшееся моих губ, и шёпотом предупреждаю:

– То, что через секунду я тебя обниму, – ничего не значит. Меня сегодня едва не изнасиловали, а я всего лишь человек.

Его плечи твёрдые, почти жёсткие, и воображение дорисовывает, как они выглядят без рубашки: загорелая кожа без дурацких татуировок, выступающие мышцы. Его тело тренированное, но не перекачанное. Пожалуй, Савва даже

немного худощав. Кожа горячая и пахнет… да, она пахнет возбуждающе.

Я утыкаюсь носом в его ключицу и беззвучно дышу. Не представляю, чтобы когда-то проделала такое с Никитой. Интересно, он меня обнимет? Это входит в его концепцию об «особенном человеке»?

И тогда он перекатывает меня на спину. Это происходит так неожиданно, что из моих лёгких вырывается слабый булькающий звук. Его лицо надо мной, горячее жёсткое тело на мне. Сердце барабанит как бешеное, то ли от неожиданности, то ли от ожидания.

– Ты можешь продолжать меня обнимать, – хрипло шепчет Савва, заглядывая мне в глаза. – Мне просто захотелось сменить положение.

Тяжесть его веса сдавила мне грудь, телу под плотной махровой тканью нестерпимо жарко. Я ведь всё ещё хочу его обнимать?

Обхватываю руками его шею и тяну к себе. Прядь его волос касается моего лба, губы катастрофически близко. Чуть потянись вперёд – и они встретятся.

– Я не собираюсь тебя целовать, – шепчу. – Мы просто обнимаемся.

– Ты раздвинула ноги.

Мои ноги. Мои чёртовы неуправляемые ноги, гостеприимно обвивающие его бёдра. Когда я успела? Сделала это по инерции?

– Ты слишком много думаешь, Мирра. Забудь.

Шершавый подбородок касается моего, а в следующую секунду я чувствую его губы. Они сливаются с моими и раздвигают их, запуская внутрь влажное тепло. Оно скатывается по нёбу, заражая собой каждую клетку тела, скапливается в животе. Халат становится тесным, как, впрочем, и кровать, и даже комната. Господи, меня совсем недавно чуть не изнасиловали… Это нормально, что я такое чувствую? Хочу так много… Его всего.

– Попроси меня, – Савва отрывается от моих губ. – Скажи, чего ты хочешь.

Я не готова… не готова. Это буду не я.

– Целуй меня… Трогай меня. Мне нужно.

Его лицо отдаляется, и уже в следующую секунду я чувствую его пальцы в вырезе халата. Разгоряченную кожу обжигает прохладой – ткань распадается по сторонам. Живот резко сводит судорогой, едва его губы соприкасаются с моим соском. Во рту вновь появляется солоноватый вкус: в попытке спрятать стон я зацепила ссадину.

«Какого чёрта… Какого чёрта…», – изумлённо барабанит в голове. Какого чёрта я чувствую это настолько сильно?

Он ласкает мою грудь языком, тянет её губами, заставляя меня выгибаться на кровати, распахивать глаза и извиваться. Это стресс… Адреналин… Гормоны, выделившиеся в огромном количестве. Это они заставляют меня ощущать себя так. Словно я до предела натянутая струна, каждый щипок которой отзывается продолжительным звуком.

Его ладонь у меня на рёбрах, на животе. Сомнений больше нет – я послушно раскрываю для него ноги. Потому что хочу, чтобы стало легче. Хочу знать, как он будет трогать меня там, хочу взорваться под его пальцами.

Я чувствую его эрекцию бедром – он тоже возбуждён. Можно помочь ему рукой, но я слишком обезумела, чтобы думать сейчас о чём-то, кроме собственного тела.

Савва приподнимается и смотрит мне в глаза, когда размазывает по клитору моё возбуждение и когда проникает в меня пальцами. Да, он умеет трогать так, что я перестаю контролировать мимику и звуки, которые издаю. Смотри, одержимый спаситель. Моё тело трясётся, хлюпает и стонет из-за тебя. Может быть, я и правда для тебя особенная, потому что не нахожу другого объяснения тому, почему с тобой я чувствую себя так.

Меня будит шаловливый луч солнца, настойчиво раздражающий веки. Я закрываюсь от него рукой, но тщетно: он находит способ просочиться сквозь пальцы. В ноздри ударяет пряный мужской запах, вместе с которым в сознание потоком льётся вчерашняя ночь: глубокий влажный поцелуй, тело Саввы на мне, тёплые губы, ласкающие мою грудь, его пальцы… Эти восхитительные пальцы, подарившие мне настолько острое удовольствие, какого я ни разу не испытывала при куда более интимном контакте с Никитой.

Следом будто из параллельной вселенной набегают другие воспоминания: похотливо дышащая человеческая масса, удушливая вонь мочи, солёный вкус на губах. Я открываю глаза.

Нет, это был не сон. Лицо Саввы находится прямо передо мной – он всё ещё спит. Тёмно-русые волосы падают ему на лоб, лицо расслаблено. Я не могу упустить возможность его разглядеть, когда он настолько беззащитен. У него густые, совершенно прямые ресницы, кожа по-юношески гладкая и чистая, без малейшего изъяна. Сейчас ему можно дать не больше двадцати трёх. Всё изменится, как только он откроет глаза. Кто ты, парень? Кто твои родители, и где ты научился так читать людей? И почему выбрал именно меня?

– Здравствуй, – вдруг произносит Савва, перед тем как открыть глаза.

Да, теперь ему совсем не двадцать пять. Его взгляд старше меня на пару десятилетий.

– Как ты узнал, что я не сплю? – от неожиданности и лёгкого замешательства я спрашиваю первое, что приходит в голову. – У тебя есть сверхспособности?

– Люди чувствуют, когда на них смотрят. Особенно так, как смотрела ты, – на его щеке появляется ямочка: – Ты меня разглядывала. Любой бы на моём месте проснулся.

Савва смотрит на меня со своей излюбленной пристальностью, словно ему требуется изучить мысли, накопленные мной за ночь. Мне становится неуютно. Во-первых, я отвыкла просыпаться с мужчиной (Никита удирал от меня ни свет

ни заря, чтобы успеть сменить костюм), а во-вторых, я люблю уединённый утренний комфорт, когда можно без зазрения совести побыть обычным человеком: с опухшими от сна глазами, вороньим гнездом на голове. Точно не утруждать себя разговорами.

Его ладонь ложится мне талию, обдавая её жаром через халат, который на удивление всё ещё на мне надет, и тянет к себе.

– Мне нужно пойти в душ, – бормочу я, выскальзывая из-под его руки, отчего она падает на одеяло. – На кухне есть кофемашина, если захочешь выпить кофе.

Когда я, хромая, улепётываю из собственной спальни, то трусливо надеюсь, что умение Саввы читать знаки подскажет ему: я хочу, чтобы он ушёл. Я ведь ничего ему не должна. Меня чуть не изнасиловали, и я честно предупредила, что мои поступки продиктованы состоянием аффекта. Он ведь не маленький мальчик и должен понимать, как работают случайные связи. Что изменилось между нами, кроме того, что мы целовались и он довёл меня до оргазма? Савва по-прежнему мне не подходит. И я даже фамилии его не знаю.

Убедившись, что дверь в ванную заперта, я скидываю халат и по привычке встаю перед зеркалом. Кроме разбитой губы и подвёрнутой лодыжки, тот жлоб-насильник, к счастью, не оставил на мне своих следов. Зато оставил Савва: соски напряжены и слегка потемнели. От новой волны воспоминаний живот сводит горячей судорогой. Влажные движения его языка, звуки сбившегося дыхания, пальцы, пробегающие по рёбрам…

Я захожу в душевую кабину и с грохотом сдвигаю её створки. Хватит. Лучше подумать над тем, что сказать Андрееву о своем невыходе на работу. Может, так и сказать? «Меня собирался изнасиловать бомж, Константин Борисович. Требуется пара дней, чтобы морально восстановиться».

Перед глазами моментально всплывает удовлетворённое лицо Гордиенко, и я морщусь. Вот кто не преминет обернуть ситуацию против меня. С женщиной сложнее иметь дело, потому что её можно легко изнасиловать, и впоследствии она не выйдет на работу. И ведь не поспоришь: мужчин действительно насилуют куда реже.

Как бы там ни было, сегодня на работу я точно не выйду, в противном случае это будет попахивать фанатизмом. Андреев всё же женат, и у него тоже есть дочь. Может, произошедший со мной инцидент всколыхнёт в нём родительские чувства, и он не позволит мудаку Гордиенко оккупировать себе мозг хотя бы ближайшие сутки. Контракт с «Аэлитой» должен быть моим.

Когда я выхожу из душа, замотавшись в новый халат (старый сменила намеренно, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций), то застаю Савву на кухне, уставившимся в телефон.

На что я надеялась? Что он просто уйдёт, прикрыв за собой дверь? Маловероятно.

– Ты не стал делать себе кофе? – я киваю в сторону кофемашины и иду к шкафам, чтобы достать чашку. – Будешь?

Ответа не следует, и тогда мне приходится снова посмотреть на него. К счастью, рубашка на нём застёгнута, как и брюки. Красивый парень. Очень. И даже заспанные глаза и растрёпанные волосы его ничуть не портят и будто делают… сексуальнее. И губы яркие, распухшие. Чёрт.

Странное это чувство: хотеть, чтобы человек ушёл, и одновременно любоваться им. Но Савва же «слишком» для тебя, ты ведь помнишь, Мирра? Ни в коем случае нельзя об этом забывать.

– Ну так что? – я улыбаюсь ему официальной улыбкой, дающей понять: с утра мы порознь. – Сделать тебе кофе?

– Трусиха, – глухо и резко изрекает он, убирая телефон в карман брюк. – Снова прячешься за своим тесным скучным панцирем.

Улыбка сползает с моего лица, но я насильно натягиваю её обратно. Даже если он увидел меня вчера потерянной и испуганной, это совсем не означает, что ему позволительно так со мной разговаривать.

– Никакого панциря нет. Это и есть моя жизнь: комфортная и взвешенная. И я чувствую себя в ней отлично, Савва, что бы ты там ни думал.

Синие глаза вспыхивают гневом, от которого мне слабовольно хочется отступить назад.

– Ты врёшь не только мне, но и себе. Вчера ты была настоящей, честной и нуждающейся.

Стиснув зубы, я отворачиваюсь к шкафу и начинаю греметь чашками. Он слишком много о себе возомнил. Я не приглашала его в свою жизнь. Он в неё просочился и теперь пытается навязать мне свою теорию о совпавших дефектах.

– Спасибо тебе за спасение, Савва, но давать оценку тому, правильно ли я живу, я не позволяю даже собственной матери.

В подтверждение своих слов я вновь поворачиваюсь к нему и смотрю в его невероятные глаза. Вчера он обыграл меня по всем фронтам, но сегодня я снова в ресурсе. Нет, я не маленькая потерявшаяся девочка, которую нужно спасать. Я та, кто с восемнадцати лет заботится о себе сама и до вчерашнего момента прекрасно с этим справлялась.

– Вчера я сказал, что ты для меня особенная. Это правда.

Он не пытается меня тронуть или польстить. Он произносит эти слова гневно и с вызовом, после чего подхватывает пиджак, перекинутый через спинку барного стула, и выходит из кухни. В прихожей раздаётся шорох надеваемой обуви, и когда я, хромая, выскакиваю, чтобы его проводить, Саввы уже нет.

14

– Константин Борисович, я прекрасно понимаю, что имеет в виду ваш заместитель, и поверьте, в ситуации десятилетней давности я бы первая подняла руку в знак согласия. Но не сейчас.

Я беру намеренную паузу и смотрю в глаза генеральному. Давай. Возьми в руку эту чёртов карандаш и готовься меня слушать.

Пальцы Андреева пробегаются по остро отточенному карандашу с надписью «Ландор», пару секунд постукивают по нему, но не поднимают.

– Излагай свою точку зрения, Мирра. Матвея Андреевича я уже накануне выслушал.

В этом никто и не сомневался. Именно поэтому на лице Андреева в данный момент процветает снисходительный скепсис. В одном Гордиенко не откажешь: он умеет быть убедительным. Наверняка с пеной у рта вещал о своей великой миссии поддержания имиджа «Ландор». На словах этот мудак исключительно чистоплотен и высокоморален.

– Во-первых, я хочу развеять мифы о том, что Лисицына продаёт низкосортный ширпотреб. Это не так. «Лаурель», «Седерма», «Риволис» с успехом сотрудничают с «Аэлитой». Если нужен будет более подробный обзор их ассортимента в качестве доказательств, я могу запросить данные в отделе Ледовского.

– Допустим. Дальше.

– Я хочу обратить ваше внимание на то, как сильно изменился рынок за последние годы. Если раньше на полках косметических супермаркетов стояли лишь признанные мировые бренды, то сейчас едва ли не половину площадей занимает более доступная Азия и масс-маркет. Продавец любит своего покупателя настолько, что даёт ему выбор. «На лицо вы можете намазать элитный крем от «Ландор», а для тела возьмите корейское молочко. Оно тоже хорошее, но обойдётся дешевле, чем то же масло от «Ландор». «Видите, мы не снобы, – говорят они. – Мы любим вас и заботимся о вашем кошельке».

Так почему мы не можем перестать быть снобами и не внедрим нашу базовую линейку в сеть демократичных супермаркетов? Почему не позволяем огромной части населения узнать о себе? Постоянные покупатели «Аэлиты» – это женщины от двадцати трёх до пятидесяти пяти лет со средним уровнем достатка. В один прекрасный день, увидев нашу продукцию на полках любимого магазина, они захотят побаловать себя чем-то лучше надоевшего «Лаурель». Женщины любят радовать себя в любом настроении, и они не преминут похвастаться приобретением подруге, сделав её нашей потенциальной клиенткой. И возможно, в следующий раз зайдя с подарочным сертификатом в

тот же «Серебряный гранат», из всех бесчисленных брендов эти женщины выберут именно нас. Потому что знают, что «Ландор» не снобы, прячущиеся за глянцевыми витринами с пугающими ценниками. Мы их друзья, с которыми они уже знакомы. Времена меняются, Константин Борисович. Надоевшие лица на экранах телевизоров уже отбросили своё высокомерие и с радостью объединяются с молодыми дарованиями, обитающими на YouTube. Не вижу причин не поступить так же и нам, пока остальные не додумались.

Закончив свой пространный монолог, я смотрю на руки генерального. Карандаш зажат в его кулаке, но он им не постукивает.

– YouTube, говоришь, – изрекает он, задумчиво хмуря седеющие брови. – Надо подумать… Надо подумать.

Может быть, в этом дело? В его возрасте, когда становится всё сложнее управляться с новшествами? Андреев не может не понимать, какую прибыль нам может сулить сотрудничество с «Аэлитой». На цифры его мозг всегда был идеально настроен.

– Иди, Мирра Георгиевна. Тебе ещё отчёт мне отправлять. Я подумаю пока.

Я ненавижу уходить без результата, но сейчас выбора у меня нет. Давить на генерального не получится – он этого категорически не любит.

– Мирра, – Андреев вновь окликает меня, когда я берусь за дверную ручку, и его голос смягчается. – Чувствуешь себя как? Может, ещё пару выходных возьмёшь?

Развернувшись во имя должностной иерархии, я вежливо ему улыбаюсь:

– Нет нужды, Константин Борисович. Со мной всё хорошо. Отчёт будет у вас на почте в течение часа.

Прикрыв дверь, я иду к себе. Из-за травмы пришлось временно отказаться от каблуков в пользу мягких балеток, и теперь я перемещаюсь беззвучно, как ниндзя. Кто бы мог подумать, что мне будет настолько не хватать цоканья набоек.

В кабинете я по инерции проверяю мобильный. Понятия не имею, что собираюсь там найти: маме я звонила вчера вечером, Вика прекрасно знает, что в рабочее время меня беспокоить не стоит, а Никите вряд ли пришло бы в голову связаться со мной после СМС, отправленного ему пару дней назад: «Чтобы не тревожить твою занятость, уведомляю, что рубашки я отправила к тебе домой курьерской службой. Теперь нас официально ничего не связывает. Желаю продуктивного рабочего дня».

Неужели надеюсь, что Савва напишет? Да нет, глупости. Он ведь даже не знает моего номера.

С того момента как он покинул мою квартиру, прошла почти неделя, а он ни разу не появился.

****

– Привет, Вик, чем занята? – я отпиваю вино из бокала, уставившись на своё отражение в зеркале. Уставшая я какая-то. На массаж лица, что ли, сходить?

– Дай-ка подумать, – отвечает подруга тоном дознавателя. – Сегодня вечер пятницы, ты звонишь мне сама и спрашиваешь, чем я занимаюсь. Неужто наша бизнес-леди решила выбраться потусить?

– Вроде того. Вернее, есть во мне такое намерение, – и помолчав, признаюсь: – Настроение паршивое, если честно. Хочется отвлечься.

– Семё-ё-ён! – громко выкрикивает Вика, не удосужившись прикрыть трубку ладонью. – Я с девчонками встречусь? Всё равно ты свой футбол будешь смотреть.

Мне не удаётся прочувствовать свою вину за то, что выдёргиваю подругу из лона семьи в пятничный вечер – столько энтузиазма слышно в её голосе. Даже будучи замужней, Вика остаётся куда свободнее меня.

– Давай через два часа в «Ди-клабе», – энергично предлагает динамик. – выпьем по коктейльчику, а потом, может, ещё куда-нибудь двинем.

– Давай, – соглашаюсь я и, отставив недопитый бокал на комод, разглядываю туфли. Интересно, я уже смогу в них влезть?

****

– Ну и чего ты пригорюнилась, душа моя? – сощурив эффектно подведённые глаза, Вика смотрит на меня поверх засахаренного ободка бокала. – На работе проблемы?

– Можно и так сказать, – неопределённо отвечаю я, не желая обременять подругу не интересующими её подробностями проволочек с «Аэлитой». – Но и вообще… Наверное, период в жизни такой.

– Только не говори, что расстраиваешься из-за разрыва с этим мороженым овощем Никитой. Потому что…

– Нет-нет. Он тут совершенно ни при чём.

Никита действительно ни при чём, хотя бы потому, что за минувшую неделю я вспомнила о нём от силы дважды. Первый раз был, когда я по ошибке ткнула в его номер, который сразу же удалила из списка контактов.

– А что тот красавчик на спортивной тачке, с которым ты встречалась в «Скай Лаунж»?

Я залпом осушаю остатки вина и возвращаю бокал на стол. Рассказать Вике или не рассказать? Хочется с кем-нибудь поделиться событиями той ночи, ведь невзирая на все «слишком», образ Саввы то и дело всплывает в голове. Всё его волшебные пальцы, чёрт бы их подрал. Быть может, и ему я обязана своим плохим настроением? Потому что какая-то иррациональная и тщеславная часть меня ждёт, что он позвонит?

Я собираюсь с мыслями, думая, как получше описать ситуацию с Саввой без лишних подробностей, но знакомая фигура, появившаяся в дверях бара, меня отвлекает.

От досады я готова застонать. Стоило мне захотеть поднять себе настроение, как этому потребовалось прийти в то же место, что и я, чтобы окончательно его испортить. Улыбаясь администратору своей приторно-белозубой улыбкой, в бар заходит мой бывший муж.

15

– Эй, ты чего напряглась? – заметив мой взгляд, испепеляющий входную дверь, Вика начинает крутить головой по сторонам. – Пришёл кто-то?

На секунду она застывает, а когда поворачивается, в её глазах читаются сочувствие и растерянность.

– Блин… Ну надо же ему было именно сегодня и именно в этот бар прийти… Если хочешь, давай уйдём, Мирр?

Звание «мудак» много лет плотно закреплено за Гордиенко, и лишь поэтому Дмитрий Олегович Вельдман скромно зовётся мной «бывший муж». Так-то он тоже мудак знатный.

– Ну ещё чего, – фыркаю я, указывая проходящему официанту на свой бокал с просьбой повторить. Свою комфортную дозу алкоголя я уже превысила, так что нет причин останавливаться. – Во-первых, я сюда первая пришла и здесь мне отлично сидится. Музыка классная, кресло удобное, вино отличное. С чего я должна уходить? А во-вторых, это Дима мне изменил, а значит, это его прерогатива – трусливо сваливать отовсюду, где появляюсь я.

Вика крутит в руках свой коктейль и, отпив его, настороженно смотрит на меня:

– Всё ещё злишься на него?

Злюсь ли я? Не настолько, чтобы засорять мыслями о нём свою повседневность. Трёхмесячная работа с психотерапевтом помогла.

Мы с ним поженились четыре года назад. Диме тогда было тридцать, мне – двадцать пять. Я не стремилась к отношениям и была занята развитием собственной карьеры в «Ландор», и Дима взял меня буквально нахрапом. Красиво ухаживал, сыпал комплиментами, водил в лучшие рестораны. Выходить замуж я не стремилась, но с ним всё случилось так просто и естественно. Дима сделал мне предложение в доме своих родителей, и я не раздумывая ответила «да», потому что была уверена: он любит меня и с ним я непременно буду счастлива. Я и была счастлива, пока случайно не обнаружила в его телефоне переписку с другой женщиной.

«Я не собираюсь слезать с тебя часами, сучка. Подготовь задницу. Сегодня в семь в «Рэдиссоне».

Понятия не имею, почему я до сих пор дословно помню это СМС. Наверное, потому что тогда едва успела добежать до туалета, где меня вырвало неверием и отвращением. Потом я ещё два часа убеждала себя в том, что это какая-то ошибка, что мой заботливый учтивый муж, относящийся ко мне как к самому ценному сокровищу, просто не мог писать такие вещи. Отказывалась верить, что Дима смог так со мной поступить. Реальность оказалась неумолимой: в шесть вечера муж со скорбным выражением на лице объявил, что у него возникли срочные дела и ему придётся отлучиться. Сожалел он о вынужденной отлучке настолько, что пообещал слетать вместе в Париж на выходные. Как загладить вину за анальный секс с любовницей? Конечно же, накормить ни о чём не подозревающую жену французскими круассанами и сделать совместное селфи на фоне Эйфелевой башни.

Я даже скандал не смогла закатить. Пока Дима заливал смазкой белоснежные отельные простыни, я успела собрать вещи и съехать. В общей сложности наш брак просуществовал чуть больше семи месяцев.

Пожалуй, моё самое большое сожаление в наших неудавшихся отношениях – это то, что он убил во мне безусловную веру в людей. Мне безумно жаль ту наивную и трогательную часть себя, которая так и не смогла вернуться, даже после того как мы развелись.

– Мне на него наплевать, Вик, – я с благодарностью принимаю новый бокал у официанта и делаю глоток. – Что было, то прошло.

– Знаешь, Мирр, мы ведь с Семёном тоже как-то ходили к психологу, и он сказал, что проблемы в отношениях – это, как правило, обоюдная вина.

Бывший мудак-муж обходит соседние диваны, по очереди пожимает руки сидящим. Мельком задевает взглядом моё лицо и тут же снова возвращается. Увидеть меня он явно не ожидал, потому что на улыбку сподобился не сразу.

Вопросительно приподняв бровь, я смотрю на Вику:

– И? Считаешь, что я виновата в его измене?

– Нет, нет, что ты… – спохватывается она. – Не пойми меня неправильно, Мирр… Я лишь пытаюсь рассуждать. Дима ведь для чего-то на тебе женился? Значит, хотел семью. Может быть, твоя увлечённость карьерой заставила его почувствовать себя ненужным? Мужчинам регулярно требуются доказательства собственной мужественности и неотразимости… Я его не оправдываю, ты не думай…

Я вновь подношу вино ко рту. Господи, неужели я настолько зациклена на работе, что даже лучшая подруга начала считать меня альфа-самкой, отпугивающей мужчин? Во время развода я слишком ушла в себя, долгое время ни с кем не обсуждая случившееся, и сегодня впервые слышу мнение Вики. Раньше она просто мне сочувствовала, а сейчас осмелилась поговорить начистоту.

– Я очень старалась быть ему хорошей женой. Быть может, я просто не создана для брака.

В горле встаёт ком, который я безуспешно пытаюсь протолкнуть очередным глотком. Ещё и Дима продолжает расстреливать меня взглядами. Средний палец, что ли, ему показать? Да ну нет, это будет совсем по-детски и недостойно. С того момента, как я послала Гордиенко, ещё и двух недель не прошло. Хватит пока с меня.

Я подхватываю сумку и поднимаюсь:

– Вик, я до туалета дойду. Лицо горит – от вина, видимо. Надо освежиться.

В женской уборной, к счастью, пусто. Помассировав виски пальцами, смоченными прохладной водой, я долго и тщательно поправляю макияж и после того, как убеждаюсь, что краснота спала, решаю, что можно выходить.

Толкаю дверь и замираю при звуке знакомого голоса.

– Привет, Мирра. Шикарно выглядишь.

Охлаждённое лицо вновь начинает предательски нагреваться. Какого чёрта ему здесь нужно? Он специально караулил меня возле двери?

– Здравствуй и спасибо, – не удосужившись одарить бывшего мужа улыбкой, я демонстративно пытаюсь его обойти.

Очень жаль, что конституция гончей не позволяет Диме разжиреть. Было бы приятно увидеть его обрюзгшим и полысевшим.

– Мирр, ну чего ты, а?

Я вздрагиваю, потому что он ловит меня за локоть. Мне хочется его моментально одёрнуть, но вместо этого я с презрением смотрю на его пальцы.

– Извини, извини, ладно? – бывший муж отпускает мою руку и отступает, всем своим видом демонстрируя раскаяние за своевольный жест. – Я просто хотел немного с тобой поговорить. Узнать, как у тебя дела… чем живёшь… может быть, пригласить на ужин.

Я отряхиваю локоть и смотрю ему в лицо. Вельдман всё ещё вызывающе красив, и четыре года, прожитых порознь, не добавили ему ни седины, ни морщин. На нём серая, в цвет его глаз, рубашка и безукоризненно сидящий костюм, из которых он теперь не вылезает. В прошлом году он баллотировался в депутаты и, как сообщили в одном из выпусков вечерних новостей, успешно. Но даже если

бы черты его лица стали ещё более правильными, костюм сидел в десятки раз лучше, а он сам был бы не областным депутатом, а президентом грёбаного мира, я бы с не меньшим удовольствием ответила ему:

– С радостью с тобой поболтаю и встречусь, когда ад замёрзнет.

Оставив экс-мужа восстанавливать ущемлённое депутатское эго, я выхожу в зал. Смысла отлучаться в уборную не было: щёки пылают ещё сильнее, чем раньше, в ушах шумит. Мне не нравится, что в голове всплывает недавний Викин вопрос: а не заставила ли моя увлечённость карьерой Диму почувствовать себя ненужным?

– Я тебя заждалась, – подруга салютует мне новым коктейлем и, наклонившись через стол, начинает возбужденно тараторить: – Слева от нас, четвёртый стол у окна. Зацени, какой красавчик пришёл.

Мои мысли всё ещё заняты встречей с бывшим мужем, но я поворачиваюсь, чтобы не обижать Вику. Поворачиваюсь и замираю. Сердце гулко пружинит: бум-бум. Парень, сидящий за четвёртым столиком, и правда красавчик. И это Савва.

16

Мне не нравится то, как я себя ощущаю при взгляде на него. Живот заполняют неконтролируемая радость, волнение и невесть откуда взявшееся смущение. Это вино на меня так действует, или всё-таки сам Савва?

– Хороший экземпляр, да? – прорывается в моё оцепенение голос Вики. – Там всё как надо, и даже рост в порядке.

– Это Савва, – машинально говорю я, глядя как к его столу приближается стройная женская фигура. Выдвигает стул, садится напротив Саввы. Светлые волосы, пиджак, наброшенный на плечи. Я не вижу лица девушки, но не сомневаюсь в том, что оно исключительно красивое.

Отвернувшись, залпом опустошаю остатки вина и смотрю на экран мобильного: почти одиннадцать. Пожалуй, можно ехать домой.

– Савва? Тот, с которым ты ужинала в «Скай Лаунж»?

Да, это тот самый Савва, с которым я ужинала в «Скай Лаунж» и который буквально неделю назад спас меня от изнасилования. Тот самый Савва, который спал в моей постели, говорил, что я особенная и довёл меня до сильнейшего оргазма своими длинными музыкальными пальцами. Будто сговорившись с моим бывшим мужем, он пришёл в тот же бар, что и я, с очередной «особенной» женщиной.

– Ты же сказала, что он не для тебя… – в голосе подруги слышится искреннее недоумение – очевидно, Савва её сильно впечатлил. – Или как ты там сказала? «Он не то, что мне нужно»? Где были твои глаза?

А вот и напоминание о том, почему мне не стоит испытывать всего того, что я испытываю в данный момент. Савва действительно не то, что мне нужно, и очень кстати прояснилось, что его настойчивость и пылкие фразы всего лишь часть игры. Чувствовать себя обманутой причин тоже нет: это ведь я дала ему понять, что мы порознь.

– И продолжаю придерживаться того же мнения. У него как раз есть компания на ночь.

Рука сама требовательно взметается вверх, когда в поле моего зрения попадает официант. Не вечер, а цирк какой-то: сначала Вельдман, теперь Савва. Странно, когда двое мужчин, с которыми у тебя «что-то было», собираются в одном месте. Я заслужила ещё один бокал.

Парень-официант услужливо опускает вино на стол и, улыбнувшись, задерживается взглядом на моём лице. Это я так сильно пьяна, или же он действительно пытается проявить интерес?

– Малыш разве что слюной стол не закапал, – усмехается Вика, подтверждая, что я не превратилась в тщеславного параноика. – Но по мне так Савва лучше.

– Моего бывшего мужа как третий вариант не рассматриваешь?

Видимо, я вложила в тон недостаточно сарказма, потому что Вика начинает ошарашенно моргать, не донеся до рта очередной «Секс на пляже», и мне приходится её успокаивать:

– Да выдохни ты. Я не настолько отчаялась, чтобы даже на одну ночь посмотреть в сторону Вельдмана.

Пока Вика отпускает какую-то неловкую шутку, я пытаюсь убедить себя, что покалывание на виске – это плод моего воображения, а не знак того, что Савва всё-таки меня заметил. Устав заниматься внушением, оборачиваюсь и моментально упираюсь в устремлённый на меня синий взгляд. Блондинка в пиджаке всё ещё никуда не делась и увлечённо копается в меню. Некрасиво разглядывать других женщин, когда собственная спутница отвлеклась, Савва Понятия-не-имею-как-тебя-по-отчеству.

Я посылаю ему сдержанную улыбку и кивок головы в знак приветствия и отворачиваюсь. То, что я превысила свою дозу алкоголя на энное количество бокалов и без причины на него злюсь, не значит, что нужно вести себя как обиженная идиотка. Существуют же, в конце концов, элементарные нормы приличия.

– Добрый вечер, прекрасные дамы, – раздаётся над моей головой. – Мы с другом давно за вами наблюдаем и хотели предложить присоединиться к нам за соседним столом.

Прикрыв рот рукой, я начинаю беззвучно смеяться, забыв о тех самых «элементарных нормах приличия». В вечер, когда я захотела отвлечься за разговорами в компании подруги, случился тестостероновый апокалипсис.

– Лучше вы к нам, – Вика, как и обычно, берёт на себя функцию гостеприимной хозяйки стола и, округлив глаза в требовательном «Сейчас же прекрати смеяться», нараспев уточняет: – Мирра, ты ведь не против?

Сквозь оживление соседних столов я ловлю на себе наблюдающий взгляд Димы и незамедлительно произношу:

– Нет. Мирра не против.

Ох, я пьянее даже больше, чем подозревала, если решила таким образом уколоть бывшего мужа.

– Я Матвей, а это мой друг Павел, – представляется потенциальный ухажёр, экстренно придвигая к нашему столу дополнительное кресло.

Затихший смех вновь подступает к горлу. Матвей. Ну чем не знак, что пора бежать отсюда сломя голову?

– Я Вика, а это Мирра… Я пью «Секс на пляже», Мирра вино… А вы давно здесь? Мы примерно час… Нет, не в первый раз. Люблю это место…

То ли настолько велика сила внушения, то ли мой затылок действительно воспламенился. Займись своей спутницей, чёрт возьми, и перестань меня разглядывать. Мне и косящегося бывшего мужа достаточно.

– Какое вино ты пьёшь, Мирра? – придвинувшись, Матвей заглядывает мне в глаза. Тридцать пять-тридцать шесть лет, симпатичный, возможно, даже красивый. Но на его лицо мне совсем неинтересно смотреть.

– Я пью пино-нуар, но это мой последний бокал. Спасибо, что спросил.

Парень с неудачным именем выглядит почти растерянным. В моём теперешнем состоянии я готова признать: со мной действительно сложно. Существует справедливая закономерность, что у хохочущей Вики есть и муж, и любовник, а у меня, гордо допивающей свой пино-нуар, нет никого. Рядом с ней мужчина чувствует себя лучше и увереннее: его шутки становятся в разы остроумнее, потому что она искренне и заливисто над ними смеётся; его возможности кажутся безграничными, ведь за заказанный коктейль он получает ослепительную улыбку и тонны благодарности во взгляде, а каждая произнесённая им фраза получает всплеск признания: «Ты работаешь в IT-компании? Ооо! Руководишь отделом разработок? Не может быть! Я в этом совсем ничего не понимаю, но уверена, что это безумно круто».

Я не умею смеяться из вежливости, и я сама руководитель. Могу проявить интерес, но не могу заставить себя восхищаться. Может быть, в этом заключается мой дефект?

Блондинка всё ещё сидит напротив Саввы. Они тоже познакомились через приложение? Он угадал и её размер груди?

– Отлучусь ненадолго, – я чересчур резко поднимаюсь и моментально ловлю на себе взгляды каждого из присутствующих за столом. Вика, не успев снять улыбку, смотрит вопросительно, Матвей – озадаченно, а руководитель отдела IT-разработок Павел банально разглядывает мою грудь.

Освежиться, вызвать такси и уехать – с таким планом я иду в туалет.

– Мирра.

Я столбенею, хотя в глубине души даже рассчитывала на то, что он за мной пойдёт. Крепче сдавив тело смартфона, оборачиваюсь. Чёртово вино. Какой же ты красивый. Ну правда… Что в тебе есть такого, что невозможно оторвать глаз?

Он злится. Синяя радужка приобрела цвет штормового океана, какой я однажды наблюдала, отдыхая на Фиджи, скулы заострились.

– Да, Савва.

– Для чего ты сидишь за одним столом с этими лузерами?

– Лузерами? – я с преувеличенным изумлением поднимаю брови. – Как ты определил, что они именно такие?

– Хватит. Тебе их общество неприятно, но ты тем не менее позволяешь им разглядывать себя как кусок мяса. Твоей подруге это подходит, но точно не тебе.

Если в обычном состоянии от таких слов я испытала бы раздражение, то сейчас чувствую самую настоящую злость. Он оставил свою стильную блондинку скучать, чтобы всё это мне высказать? Уличить меня в том, что я неправильно

себя веду? Я взрослая свободная выпившая женщина и ничего никому не должна.

– Эти наблюдения будет уместнее адресовать твоей спутнице, коей я не являюсь. Я пойду. Очень хочется в туалет.

Шторм в глазах Саввы становится ещё темнее, но на губах внезапно расплывается улыбка. Я заворожённо разглядываю резкие ямочки, появившиеся на его щеках. Как ему удаётся улыбаться одновременно обаятельно и хищно?

Хватит его разглядывать. Разворачивайся и уходи.

Он ловит меня за руку, почти так же, как недавно делал мой бывший муж. Я снова злюсь, но теперь уже на себя, за то, что не возникло импульса её отдёрнуть. Опускаю взгляд на его пальцы, обхватившие предплечье, и с вызовом поднимаю бровь, транслируя: «Отпусти».

Он не отпускает, не отступает, не говорит «Извини», а напротив, тянет меня к себе, не прекращая гипнотизировать глазами.

– Она никто. Совсем. Попрощайся со своей подругой-идиоткой. Я отвезу тебя домой.

Она – «никто»? Та блондинка? «Совсем»? И я должна просто ему поверить?

Я выдёргиваю руку из горячего капкана и, перед тем как отвернуться к двери уборной, нахожу в себе силы улыбнуться:

– Я поняла, что мне не нравятся спортивные машины, поэтому предпочту добраться на такси.

– Если ты планируешь вернуться за стол, то я сделаю это вместе с тобой, – летит мне в спину. – Поверь, никому из присутствующих это не понравится.

– Я решила, что выпила достаточно и мне пора домой, – я забираю со стула сумку и окидываю взглядом стол. – Приятно было познакомиться, Матвей и Павел. Вик, если ты не планируешь оставаться, можем поехать вместе.

Боковым зрением я замечаю движение за столом, где сидит Савва и, не удержавшись, смотрю туда. Он расплачивается по счёту, а блондинка, задрав голову, смотрит на него. Даже не видя её лица, я угадываю написанное на нём недоумение. Он действительно решил её оставить, чтобы отвезти меня домой? Самоуверенный синеглазый придурок.

– Я, пожалуй, останусь, – произносит Вика под одобрительный взгляд своего соседа.

Всё-таки Вике очень повезло, что её Семён не из подозрительных. Даже если она придёт домой под утро, он не станет обрывать мне телефон, допытываясь, где его жена. Иногда я задаюсь вопросом: неужели он настолько ей доверяет?

– Тогда созвонимся позже. Хорошо вам провести время.

Я выкладываю на стол купюру, которая с лихвой покрывает мою часть счёта, и перекидываю цепочку сумки через плечо. К счастью, никто из новоявленных друзей не пытается возражать против моей материальной независимости. Им больше нет нужды производить на меня впечатление

– Ландыш, подожди!

Забытое прозвище скребёт по нервам, заставляя меня замереть в паре метров от входной двери. Ландыш – так называл меня бывший муж, когда ещё находился в статусе настоящего. Не банальным «солнышко», «киска», «цветочек» или «малыш», а именно «ландыш». Дима говорил, что я ассоциируюсь у него именно с этим цветком из-за нетронутой белизны. Такой я и была тогда. Нет, не робеющей смущающейся девственницей, а чистой и доверчивой, что ли.

Я разворачиваюсь так резко, что рискую подвернуть едва зажившую лодыжку.

– Не называй меня так, даже если тебя посетил приступ ностальгии на фоне выпитого виски.

Даже удивительно, что я ещё помню его любимые напитки.

– Мирр, ну хватит когти выпускать, а? – губы бывшего мужа трогает примирительная улыбка, и он засовывает руки в карманы брюк. – Ты уходишь уже? Давай я тебя домой отвезу. Машина с водителем здесь стоит, – неопределённый кивок мне за спину.

Неужели он решил, что пара выпитых бокалов как-то изменила мой настрой относительно нашего общения и перечеркнула то мерзкое СМС? Что такого Дима во мне увидел, отчего решил так запросто ко мне подкатить? Отчаяние?

– Её есть кому подвезти, – звучит совсем рядом с моим ухом, и в следующую секунду мне на талию уверенно ложится ладонь.

Савва. Упрямый непробиваемый сталкер, появлению которого я сейчас даже рада, ибо гладко выбритое лицо Вельдмана вытягивается в растерянности. Во второй раз за вечер нанесён урон его востребованному депутатскому эго. Парень, стоящий напротив него, не только красивее, но и моложе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salah_alayna/boysya-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить